

М. Небогатов

МОИМ ЗЕМЛЯКАМ

КЕМЕРОВО — 1958

82/

М. НЕБОГАТОВ

МОИМ ЗЕМЛЯКАМ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Кемеровское книжное издательство
1958

Советская улица Советская улица

Улица Советская.

Где ты, радость детская —
Домик в три окна?
Улица Советская...
Ранняя весна...

Редкие прохожие.
Город точно спит.
Тишина встревожена
Щокотом копыт.

У крылечка — лужица,
Яркий блеск лучей.
В небе вьется-кружится
Стая голубей...

Много ль дней — припомнить —
С той поры прошло?
Нету больше домика.
А в душе светло:

Пусть он, став преданием,
Вспомнится не раз —

Новым прочным зданиям
Радуюсь сейчас.

Стройные, высокие --
Вот они, смотри! —
Встали светлоокие
В золоте зари.

Знать бы слово веское,
Строчку — как струна...
Улица Советская
Далеко видна.

Шумно оживленная,
Празднично светла,
То она — зеленая,
То — белым-бела.

Все пути начальные
И мечты людей,
Все дороги дальние
Сходятся на ней.

Алою полоскою
Горизонт обвит...
Музыка московская
В рупорах звучит.

Самолет за облаком
Пролетел — и стих...
Как мы свыклись с обликом
Городов родных!

И вчера, сегодня ли
Рады от души:
Наши руки подняли
Эти этажи.

Пусть цветет-красуется —
Каждый дом хорош!
По Советской улице
Далеко уйдешь...

ИЛЬЧ

Его дела настолько велики
Что сам он великаниом представлялся.
И как же удивлялись ходоки,
Когда он с ними запросто встречался,

Простой, обыкновенный человек,
Подвижный, лысый, роста небольшого....
Таким он всем запомнился навек,
Таким его и видели живого.

И дорога нам в облике простом
Вождя и друга каждая примета:
То он сидит, склонившись за столом,
То смотрит вдаль, прищурясь, как от света...

Его мечты сбываются при нас.
Недаром в них он верил непреклонно.
Как был бы рад увидеть он сейчас
Огни Кузбасса, шлюзы Волго-Дона!

А как Ильч простых людей любил!
Не потому ль за ним пошли мы следом.
Он в коммунизм дорогу проложил,
Наметил путь к сегодняшним победам.

СЛОВО О КОММУНИСТЕ

Когда коммунист умирает,
Дойдя до конца своего, —
Не только прощально рыдают
Оркестры над гробом его;

Не только мрачнеют мужчины,
Его боевые друзья,
Кого он до самой кончины
Подбадривал: «Выживу я!»

Не только печалятся дети
И женщины плачут навзрыд,
Что мало он пожил на свете,
Безвременно в землю зарыт...

Нет, путь не окончен, не верьте!
Мужайтесь, друзья и жена!
Того, кто не думал о смерти,
И смерть победить не должна.

Когда коммунист умирает —
Сдержите отчаянья крик.
От жизни его отделяет
Лишь первый путающий миг.

А дальше, за гранью незримой,
Опять он как будто встает.
Опять он в Отчизне любимой
Работает, ходит — живет!

Мы часто его вспоминаем,
Подолгу о нем говорим.
И только нигде не встречаем,
Чтоб словом обмолвиться с ним.

Всегда и повсюду он с нами —
Не может такой умереть!
Друзья, не его ли глазами
Привыкли вперед мы смотреть?

Во всем повседневном, привычном
Живет он, навек дорогой;
В бескрайнем разливе пшеничном,
В огнях золотых над тайгой,

В рождены дворца или дома —
Его воплощенной мечты...
Недаром ему, как живому,
Мыносим живые цветы...

Когда коммунист умирает,
Он весь не уходит от нас,
Как знамя, друзья принимают
Любой его добрый наказ.

СОВЕТСКАЯ ВЕСНА

Уже немало славных лет,
Спеша из края в край,
Идет дорогою побед
Наш мирный Первомай.

Свободы, счастья торжество
Несет он, свет струя.
Везде и всюду у него
Надежные друзья.

В сверканье праздничных одежд
Сомкнулись в ряд один
И Бухарест, и Будапешт,
И Прага, и Пекин.

Встречая солнце, синеву
Под сенью кумача,
Идут — равненье на Москву,
На знамя Ильича.

И даже там, в заморской мгле
Всем истина ясна:
Погоду строит на земле
Советская весна!

ГОВОРИТ МОСКВА

Едва семья усядется за чаем,
Заглянет в окна утра синева,
Мы, как обычно, радио включаем
И слышим голос: «Говорит Москва.

Передаем последние известья...»
Летят слова, разносятся в тиши.
Их ловят села, города, предместья,
Казахи, шорцы, чукчи, латыши.

...Не на кошме, как прежде, а на стуле —
Я представляю это наяву —
Сидит колхозник-старичок в ауле
И, улыбаясь, слушает Москву.

Там рыбаки, вернувшиеся с лова;
Здесь лесорубы, вставшие чуть свет,
Сошлись в избе. Не пропустить бы слова:
Горят глаза. В руке застыл кисет.

Боятся кашлять, спичкой чиркнуть даже,
Чтоб не нарушить тишину на миг.
И всем приходит мысль одна и та же:
Как необ'ятен край наш, как велик!

Мы каждой вестью Родины согреты .
Поют станки. Дымят суда в порту.
Ткачи, шахтеры, летчики, поэты —
Все на местах своих. Все на посту.

Но этот мир, знакомый и привычный,
Вдруг омрачают строчки телеграмм
О взрывах бомб за далью пограничной,
Откуда враг грозит войною нам.

Там самолеты, пушки наготове...
От первых фраз улыбка сходит с губ.
Седой старик в ауле сдвинул брови,
Крутить цигарку начал лесоруб.

Рассвет и мрак — два мира возникают
Пред нашим взором в несколько минут.
У нас с цветами Робсона встречают,
А там, у них, дубинкой негров бьют.

Мы песни мира в каждом доме слышим,
А там, у них, борцов за мир — казнят.
...Ноябрьский ветер снег метет по крышам,
Деревья в окна ветками стучат.

Москва, Москва! Твой голос слышен всюду.
Для всей земли ты светишь маяком,
Привет сердечный шлешь простому люду
И в полный голос говоришь с врагом!

...Мы снова в путь выходим на рассвете.
Шаги бодрее. Дышится вольней.
Как хорошо, что есть Москва на свете,
Тепло на сердце с думою о ней.

СВЕРСТНИКАМ

Друзья! Вам дорог край родимый?
И я люблю Сибирь свою!
Она мила, как запах дыма,
Что манит путника к жилью...

Забуду ль дом с кривой оградой,
Глухое, сонное село.
Как летний дождь, живой отрадой
Там детство шумное прошло.

Теперь в тумане эти дали,
Метели дней их замели...
Росли мы, дети, и не знали,
Что есть сады другой земли.

Казалось нам, что все на свете —
Не глубже илистой реки.
А там росли другие дети,
Расцвата нашего враги...

Как ярко светятся теперь мне
Огни костров ночной порой!
Но вот, как солнца луч вечерний,
Исчезло детство за горой.

Мы не сидели, пригорюнясь,
В тиши при звездах и луне —
В шинелях встретили мы юность
И в жизнь вступили на войне...

Наш давний враг, фашистский вонн
Вдруг захотел чужой земли.
И что ж? Навеки успокоен,
Обняв ее, затих в пыли...

Как не любить свой край родимый,
Сибирь советскую свою
За дух ее непобедимый
В труде и в праведном бою!

ПЕСНЯ ГЕРОЯ

Памяти воина-сибиряка
Б. Богаткова

Священной памяти достоин
Погибший с песнею в бою!
Он был поэтом, этот воин,
Над чьей могилой я стою.

...Навстречу смерть огнем хлестала.
Огонь отрезал все пути,
И в смерче жаркого металла,
Казалось, выло: — Не пройти!..

К земле на миг стрелки прижаты.
О, как мила земля! Но вот
Он встал: «Вперед! За мной, ребята!»
И вдруг запел. И поднял взвод.

Пусть сам поэт упал сраженный,
Горячей песни не допев,
Но смял фашистские заслоны
Его друзей великий гнев!

На отвоеванной высотке
Лежит солдат в земле родной.
Он за нее в бою коротком
Погиб, как истинный герой.

НАША ВЕРА

К. Л. Волениной, матери прославленной партизанки

...Я знаю, Клавдия Лукьяновна,
Как трудно вам, приблизив даль,
Переживать все это заново —
Былую радость и печаль.

Да, было радостью великою
В кроватке дочку пеленать,
Позднее с теплою улыбкою
С порога в школу провожать;

Что бы полюбила землю русскую,
Бредить в полях привольных с ней —
С реззушкой, ласковой Веруською,
Родной, единственной своей.

Судьбу счастливую без вымысла
Пророчить маленькой в мечтах;
Увидеть вдруг, что дочка выросла,
Невестой стала на глазах...

Как было радостно и весело!
И вот нагрянула война.

Тяжелой тучей занавесила
Зарю июньскую она.

Горят московские предместья.
Грохочут пушки день и ночь...
Страшнее страшного — известие,
Что смертью храбрых пала дочь.

Совсем не думая прославиться,
За счастье Родины в бою
Русоволосая красавица
Сложила голову свою...

Недаром почесть полной мерою
Мы ей доныне воздаем,
Как Зою, нежно «нашей Верою»
Землячку славную зовем.

У ПАРТИЗАНСКОЙ МОГИЛЫ

Кто он, этот безвестный герой,
Что лежит под чугунной плитою?
Почему-то на миг предо мной
Возникает лицо с бородою.

Вот уж вижу всего мужика —
Коренастого, с доброй прищуркой...
Время бить-добивать Колчака.
Что ж, прощайся с семьей и с «кауркой».

Обмотал опояской армяк,
За спиною пристроил двухстволку.
И пошел дорогой мой земляк,
Тяжело зашагал по проселку...

С малолетства охоту любя,
Терпеливо таился в заслонах.
Со словами: «Дружнее, робя!»
Подсекал «куропаток» в погонах.

Удивился, как кровь горяча,
Зажимая смертельную рану.
Все жалел: «Повидать Ильича
Я хотел... Не увижу... Не встану...»

Над могилой шумят тополя,
Как друзья, подступив к изголовью...
Славься вечно, родная земля,
Партизанской омытая кровью!

ПИСЬМО НА ГРАНИЦУ

Брату Григорию

В этот час в мастерской у меня.
Как в бою — передышка.
Закурил я, присел у огня,
Дай, черкну, мол, письмишко.

...Ну и хлеб у нас в этом году!
До уборки, бывало,
В золотистое море войду —
С головою скрывало.

А зерно!.. Что пшеница, что рожь,
Уродились на славу.
Знаю, гордость ты нашу поймешь:
Мы гордимся по праву.

Ты и сам здесь родился и рос,
Жил, работал честь честью.
Помнишь, как по росе на покос
Выходили мы вместе?

Помнишь — луг и березки вокруг,
В синем мареве дали...

Как тогда не поверилось вдруг,
Что фашисты напали!

Да, не очень-то весело, брат,
Вспоминать про такое.
Я и сам, понимаешь, не рад,
Что не знаю покоя.

Не могу я забыть, не могу —
В сердце рана живая, —
Как на волжском крутом берегу
Схоронил земляка я.

Все. Кончаю. Пиши о себе...
И еще — к разговору:
Если что — прикачу я к тебе.
Гимнастерка мне впору.

НА УЛИЦЕ ГЕРОЯ

Дважды Герою Советского Союза
Афанасию Шилину

Ранний вечер огоньки зажег.
Тихо-тихо падает снежок...
В многолюдном уличном потоке
То и дело слышен смех ребят.
Пусто в школе, кончились уроки,
Но домой ребята не спешат.

Застегнув пальтишки, как попало,
И закинув сумки за плечо,
Как и мы, друзья мои, бывало,
Расшумелись, спорят горячо.

Вспоминаю детство я другое.
Вот в такой же вечер, в снегопад.
Там, где нынче улица Героя,
Бегал мальчик много лет назад.

Озорной парнишка был, веселый,
Подвинтив снегурочки-коньки,
Он любил вот так же, после школы,
Поиграть с ребятами в снежки.

Далеко от школьного порога
Распахнулся ясный горизонт!

Но нежданно мирная дорога
Повернула к западу, на фронт.

В бой пошли вчерашние парнишки,
Хоть мечтали вовсе не о том.
Дым пожарищ... Огненные вспышки...
Свист снарядов... Орудийный гром...

О войне написано немало,
Лиши одно добавить я могу:
Сибиряк, простой и скромный малый,
Был грозою, страшен был врагу!

Был грозой — в потертой гимнастерке,
В сапогах растоптанных своих —
Русский парень, наш кузбасский Теркин,
Рядовой из тысяч рядовых...

Заросли травою все окопы,
Над цветами мотыльки парят...
Он прошел с боями пол-Европы,
На груди две звездочки горят.

За большую преданность Отчизне,
За любовь к народу своему
В городе, где вырос он, при жизни
Монумент поставили ему.

Горняки частенько вспоминают
Земляка, собрата своего.
Улицу, где жил он, называют
Знаменитым именем его...

Говорят, что летнею порою
Далеко, по Северной Двине
Проплыает с именем Героя
Пароход, качаясь на волне.

Скрылись дети в уличном потоке.
Тихо-тихо падает снежок.
Это он, Герой, в тот год далекий.
Их для светлой жизни уберег.

Пусть идут по улице спокойно,
Слушая, как радио поет!..
Ну, а если снова будут войны,
Снова враг внезапно нападет, —

Не бывать тому, чтоб мы согнулись,
Нападать на нас — напрасный труд.
Есть у нас немало новых улиц,
Где герои новые растут!

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Закрой глаза — вернешься к детству,
К далекой памятной поре...
Стоят деревни по соседству,
И та, и эта — на горе.

Они могли б соединиться, —
Забыто время ссор и драк, —
Да лег меж ними, как граница,
Глубокий глинистый овраг.

Так и стоят, деревни эти,
С тупой покорностью судьбе:
Не знаем как, мол, там соседи,
А мы тут — сами по себе.

Свои сады и огороды,
Пшеница, рожь у нас своя.
И даже скот — своей породы.
Лишь речка общая. Ничья.

Здесь свой мирок благополучья.
Закончил труд — гуляй и пой.
Ведь гармонист на этот случай
Какой ни есть, а тоже свой.

...Уж сколько раз — не счесть, пожалуй, —
Роняли яблони свой цвет.
Границы той, что здесь лежала,
Давным-давно в помине нет.

Один колхоз. Одна деревня.
И флаг один поднялся ввысь.
Сроднились люди. И деревья
Ветвями дружески сплелись.

Смотрю на них — и ясно вижу
Примету давних детских дней:
Где был овраг — деревья ниже.
Они посажены поздней.

Такая ж поросль молодая
Далеко в поле разрослась,
Она, границы все стирая,
С садами города слилась.

РАССКАЗ ХЛЕБОРОВА

Когда разбойничим налетом
Встревожил Гитлер наш рассвет,
Я был мальчишкой желторотым,
Мне было только восемь лет.

Мужчин в селе не стало вскоре,
Война... Невесело в селе...
И понял я: случилось горе
У всех людей, на всей земле.

И это горе в полной силе —
Хоть мир, как прежде, был хорош --
Мы, дети, тоже ощутили,
Когда поспела в поле рожь.

В правлены говор:
— Жать пора бы...
— А жать-то некому почти.
— Лишь старики одни да бабы...
— Ох, нелегко дела вести!

Я огорчался, помню, очень,
Обидно было мне до слез,
Что не могу ничем помочь им,
Что мал годами, не дорос.

А рожь-то, рожь до горизонта.
Не видно края полосе...
— Для наших воинов, для фронта
Хлеб уберем! — решили все.

Нашлись дела и нам, ребятам, --
Колосся с поля убирать.
...Отец вернулся в сорок пятом.
Помолодела снова мать.

Теперь и я хозяин в поле.
Тружусь со всеми наравне.
Доволен я!

Но поневоле
Нет-нет и вспомню о войне.

Опять грозят нам «мертвой хваткой».
Опять враги подняли вой.
Хотят, чтоб мать была солдаткой,
А может статься, и вдовой.

Чтоб самолеты, а не птицы
Кружились в синей вышине;
Чтоб трассы пуль, а не зарницы
Сверкали в нашей стороне;

Чтоб не резвились наши дети,
А превратились бы в калек;
Чтоб все, что любим мы на свете,
Под пеплом сгинуло навек.

Нет! Не дадим мечте их дикой
Осуществиться. Никогда!
Мы все — от мала до велика —
На страже мира и труда.

НА ПОБЫВКЕ

А вот и он — родной поселок!
Дымки из труб. Тайга кругом.
На старом месте между елок
Стоит с тесовой крышей дом.

Глядят окошки в полудреме
На двор, на тропку от крыльца...
Совсем недавно был он в доме
Помощник главный у отца.

И от волнения неровно
Забилось сердце... Вспомнил вдруг
И как пилили эти бревна,
И как срубали каждый сук.

Любые выдержит приидрики —
Добротный дом! На долгий срок...
Легонько ленты бескозырки
Колышет хвойный ветерок.

И перемены видеть любо:
Шоссе прямое, как стрела,
Большую школу возле клуба —
Дворец из камня и стекла...

Под вечер — шумное застолье.
Знакомцы старые, родня.
— Кажись, вчера учился в школе...
— Да... подрастает ребяtnя.

Отец вино разлил неспешно.
Меньшому подал — в первый раз:
— За мир, сынок?
— За мир, конечно.
— Ну, стало быть, за всех за нас!

Мать все никак не верит встрече:
Ведь уезжал птенец-птенцом.
А тут гляди — и рост, и плечи —
Во всем сравнялся сын с отцом.

Зовут к себе места родные,
В каких краях ты ни живи.
Здесь подрастал он, здесь впервые
Признался девушки в любви.

У той сосны, в зеленой шубке,
Они встречались... Так и есть —
Еще видны на ней зарубки,
Из прошлых дней живая весть.

Здесь каждый кустик что-то значил.
Он каждый камень здесь любил.
Вон там купался, там рыбачил,
А там вон с кедра шишки бил.

Прильнет к стволу и быстро, ловко
К верхушке самой босиком...
Да, пригодилась та сноровка
В те дни, как стал он моряком.

И вместе с грустью о прошедшем
Иная грусть уже близка:

О шуме волн в краю нездешнем,
О тихом шорохе песка.

Журчит — огромная когда-то! —
Речушка в космах камышей.
Другим теперь, другим ребятам
Купаться в ней, ловить ершей.

Им наблюдать, как ветви в заводь
Тальник склоняет.

А ему...

Ему в морях далеких плавать,
Служить народу своему.

И днем и ночью быть на страже,
Встречая грудью шторм и шквал,
Чтоб ни один осколок вражий
На эту землю не упал.

ПОСЛАННИК МИРА

Гордись, Земля, двадцатым веком,
Он — яркий луч в твоей судьбе!
Простым советским человеком
Чудесный спутник дан тебе.

Звездой средь звездочек-жемчужин
Он облетает шар земной.
Его сигналами разбужен
Глухой космический покой.

В любой стране, в любой квартире
Звучат сигналы те сейчас.
Посланник мира. Первый в мире.
Но не последний он у нас.

Не внуки наши и не дети —
Мы сами с вами наяву
Проложим путь к другой планете,
На Марс слетаем, как в Москву!

НА ЛЕСОСЕКЕ

За рекой — снега, снега.
В белом бархате луга.
Тиши, безлюдье на просторе,
Лишь шумит-шумит тайга.

Не от ветра в соснах гуд —
Валил их рабочий люд.
Скинув шубы, лесорубы
В наступление идут.

Лют мороз, да крепче пыл,
Тот, что в битвы нас водил.
По душе нам гул моторов,
Перезвон электропил.

Погляди-ка: словно рысь,
Зубья в дерево впились.
Визг и скрежет. Ну и режет!
Эй, сосед, поберегись!

Задрожал сосновый ствол,
Покачнулся, вбок пошел
И, шумя ветвями, рухнул,
Словно сказочный орел...

Много лет росли леса,
Изумрудная краса,
Чтобы стать крепкой стойкой,
Чтобы встать под паруса.

Эй, работай веселей!
В этих грудах штабелей —
Шпалы новых магистралей,
Книги, парты для детей.

Мы в труде — права молва —
Как в бою. Да что слова!
Постоишь вот рядом с нами —
Сам засучишь рукава.

Часто и пылько стало в селе
Случай для художника.

Несколько лет тому...
— Дорогами села гуашью
Веселится юноша-художник
Надо тут моей картине

СЕЛЬСКИЙ ХУДОЖНИК

...А теперь спокойно кисти вытри.
Отойди в сторонку и реши:
Удалось ли краскам на палитре
Стать частицей сердца и души.

Да, немало творческих усилий
Внес ты в этот песенный размах!
...Гладь асфальта, блеск автомобилей
Дым из труб, антенны на домах,

Сад фруктовый, гуси у плотины,
А во ржи — косынки без числа...
Как живой, зовет тебя с картины
Новый день любимого села.

ПЕРЕД ЭКЗАМЕНАМИ

Всю ночь учителю не спится —
Экзамен первый завтра в школе...
В окошке месяц серебрится
Недвижной шлюпкой на приколе.

В прозрачной мгле безлюдно, пусто.
Покой. Молчание ночное.
И на душе такое чувство,
Что нынче в мире все иное;

Что долго шел он с кем-то рядом,
С кем был без клятвы в дружбе крепкой,
И вот теперь за школьным садом
Ему, простясь, помашут кепкой;

И будет он глядеть с тревогой,
Едва свой диск покажет солнце,
Как в даль широкою дорогой
Пойдут одни! — его питомцы;

И как в пути — уж он-то знает! —
Сердца их радостно забываются.
А не сбоятся? Не сплошают?..
Нет, не сплошают, не сбоятся!

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далеком
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком —
Искал попутный грузовик.

Был полдень. Время золотое —
Сады в черемушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я, —
Здесь не известно никому.

И до чего ж я удивился,
Когда какой-то встречный дед
Вдруг снял картуз и поклонился
Под стать знакомцу давних лет.

А я с ним в жизни не встречался.
Впервые вижу старика.
Наверно, просто обознался,
Небось, в подпитии слегка...

Иду. Старушка мне навстречу.
И вновь — почтительный поклон.
Мол, кто б ты ни был, человече,
Живи и здравствуй, в мир влюблен,

И вроде больше стало света
И зацвели сады пышней
От мимолетного привета
Проживших долгий век людей.

Но нечем было мне гордиться.
Я шел и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?..»

Подчас не бросит даже взгляда
Тот, кто с тобой знакомство вел.
Да. Всем, пожалуй, знать бы надо
Обычай старый русских сел.

МАТЬ

За окном совсем темно.
День еще не скоро.
Но не спят уже давно
В доме у шахтера.

Что-то, знать, покою нет,
Не до сна старухе.
Ходит-бродит, встав чуть свет.
И молчит. Не в духе.

Подступиться нету сил.
Трудно подступиться.
— Что с тобою? — муж спросил. —
Что тебе не спится?

Ты бы, Нюша, прилегла.
Может, нездорова? —
Вроде, только и ждала
Ласкового слова.

Если б строго что сказал —
Вновь бы промолчала,
Не сдержалась, лишь назвал
Нюшой, как бывало.

Тут и волю дать слезам —
Столько в сердце боли...
— Посуди ты, Ваня, сам.
Не обидно, что ли?

Хоть бы дочка, хоть бы сын —
Никого не видно.
Не приехал... ни один...
Разве не обидно?

И приникла вдруг плечом,
Как ребенок малый.
— Вон, выходит, ты о чем!
Так бы и сказала.

Стал шутить шахтер, смеясь:
— Я ж подумал было;
Разводиться собралась,
Мужа разлюбила.

Продолжают разговор
Мирно и любовно.
— Очень узкий кругозор
У тебя, Петровна.

Понапрасну в день такой
Развела ты слякоть.
Не пристало нам с тобой
Горевать да плакать.

А жена из-за стола
Говорит несмело:
— Наварила, напекла.
Угостить хотела...

Пачку писем, телеграмм
Разложил пред нею.

— Не приехали. Я сам,
Сам о том жалею!

Но давай-ка поглядим,
Что тут говорится.
Есть ли нынче время им
В гости отлучиться?..

Молча слушала жена.
Чай пила, вздыхала.
Наизусть почти она
Эти письма знала.

Дети.. Где они теперь?
Собрались бы вместе...
Старший, Коля, инженер —
Где-то в Туле, в тресте.

Средний, Степа, капитан —
На Цимлянском море.
Все далеко. Путь им дан
На большом просторе.

Дочь, единственная дочь,
Пишет из Ростова.
Улетела тоже прочь
От гнезда родного,

Саша, младшенький, и тот
Хочет стать поэтом,
Из Москвы открытки шлет
И стихи при этом...

Письма бережно убрав,
Муж сказал: — Как видишь,
Нет у нас с тобою прав.
Быть на них в обиде.

У детей — свои дела.
Брось на них сердиться!
Ну, а то, что напекла, —
Праздник! — пригодится.

Утешал, как мог, жену,
А на сердце — то же:
«Пожалеть бы седину,
Навестить бы все же...»

Поднималось солнце ввысь,
Золотя просторы.
В полдень гости собрались
В доме у шахтера.

Рюмки чокались, звеня.
Радость в каждом тосте.
Словно дружная родня
Были эти гости.

И Петровна веселей
Стала улыбаться.
Только главных-то гостей
Не могла дождаться...

ПУТИ-ДОРОГИ

Может быть, считает кто-то,
Версты меряя пешком,
Что шоферская работа —
Лишь прогулки с ветерком.

Дескать, сядь к своей баранке
И посматривай вперед.
От стоянки до стоянки —
Никаких тебе хлопот.

На стоянках — та же песня:
Перекуры с дремотой.
В общем, нету расчудесней
Работенки вот такой...

Подтверждают, правды ради:
Сесть за руль — не мудрено.
Дать газку на автостраде —
Удовольствие одно!

На шоссейной, на гудронной,
Коль дорога хороша,
Вдохновенной, окрыленной
Вмиг становится душа.

Но у праздничной медали
Есть вторая сторона.
Стоит вдуматься — едва ли
Соблазнительна она...

Ночь. Осеннее ненастье
В смотровое бьет стекло.
Едешь, едешь, вдруг — несчастье:
Вбок машину повело.

Поворнулась, встала косо.
Точка. Дальше ходу нет.
Боют задние колеса
И скользят, скользят в кювет.

Не помогут здесь подпорки,
Харь газуй, хоть не газуй.
Как сказал бы Вася Теркин,
Влип ты, братец, в сабантуй.

Хорошо, когда найдется,
Что под шины набросать.
Но скорей всего придется
Колею в грязи копать.

Как достанется шоферу,
Сколько поту он прольет —
Скажет степь... В иную пору
Ночь бухает напролет...

А порой стоит машина
Чуть в сторонке, в борозде.
Где шофер? Пуста кабина,
Не видать его нигде.

И выходит, как обычно,
Он под кузовом лежит,

Что-то ладит там привычно,
Сам от холода дрожит...

Вот приехал на сушилку.
— Щец бы мне. Погорячай!
Ложку подали и вилку
И пока налили щей,

Парень спал уже тревожно;
Свесив голову на грудь.
Разбудили осторожно,
Закусил — и снова в путь...

Нет, напрасно мыслит кто-то;
С делом толком не знаком,
Что шоферская работа —
Лишь прогулки с ветерком.

ЯБЛОНИЯ

Давно была она воспета,
Мечта, которой жил народ.
Гляди — сбылись слова поэта:
И город есть,
и сад цветет!

Немало дней в работе трудной
Прошло с той памятной поры,
Когда в глухи тайги безлюдной
Вдруг застучали топоры;

Когда, уснув часок в палатке,
В жестоком холоде ночей
Спешили люди к первой кладке
Цехов и доменных печей.

И вот сюда, по первопутку,
В край леденящих непогод
Однажды яблоньку-малютку
Привез любитель-садовод.

Так велика была в нем вера
В расцвет великих новых сил!..
На месте будущего сквера
Он этот кустик посадил.

Лишь грохот льдин прошел по рекам —
Как гости юга зацвела!..
Недаром русским человеком
Она посажена была.

ЗЕМЛЯКИ

Уже погасли звезды все,
Алеют небеса.
Кругом — во всей своей красе —
И пашни, и леса,

Да голоса веселых птиц
В безветренной тиши.
И всех задорней — свист синиц...
Спеши, солдат, спеши!

Вдруг скрип колес и стук копыт
Совсем невдалеке.
Глядит: а вслед за ним пылит
Подвода налегке.

Кто это встал уже чуть свет
И мерит даль дорог?
Посторонился:
— Здравствуй, дед!
— Здоровенько, сынок!

Лука приветливо взглянул
Из-под седых бровей
И, придержав коня, кивнул:
— Садись, лавай, живей!

Разговорились земляки.

— Ну, как тут жизнь у нас?

Нет никого родней Луки

Сергею в этот час.

И тот, видать, не меньше рад,

Тотчас повеселел:

— Пришел ты, парень, в аккурат.

В колхозе — уйма дел!

И, оживясь, повел рассказ

О самом дорогом...

Заря над лесом занялась.

Лучится все кругом.

В прозрачных капельках росы —

Кусты, снопы, трава.

От свежей утренней красы

Хмелеет голова.

А в этот миг — отрадный миг! —

Вблизи мелькнул дымок.

Взглянул и замер фронтовик,

Глаз отвести не смог:

Неподалеку от горы,

Где путь-дорога шла,

Внизу раскинулись дворы

Родимого села.

А на полях и там и тут —

Возы, грузовики.

Как будто в бой полки идут,

Несчетные полки.

Сказал солдат:

— Вот это — да!

Я так считаю, дед:

Сильнее армии труда

На свете армий нет!

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Серебром окно расписано,
Сад и улица — в снегу...
Край Кузнецкий!
Только мысленно
Я обнять тебя могу.

Словно в поезде за шторами,
Вновь за снежной пеленой
Бесконечными просторами
Ты плывешь передо мной.

Вижу гор хребты могучие,
В белом поле спят стога.
Слышу: шепчется задумчиво
Маринская тайга.

Над землею — утро раннее,
Сизо-дымчатый покой.
Терриконов очертания
Показались за рекой.

Любо видеть, очень любо мне —
Это ж дело наших рук, —
Как дымят заводы трубами,
Стройки высятся вокруг;

Как над тихими равнинами
Виснут нити проводов;
Как бегут составы длинные
Мимо сел и городов.

Стать бы птицей быстрокрылою,
Взмыть к привольным облакам,
Облететь бы землю милую,
Заглянуть ко всем друзьям!

Передать привет им искренний,
Поклониться от души...
Вижу: сталь сверкает искрами,
Льется струями в ковши.

За успехи небывалые,
За любовь к стране своей
Славлю мастера Привалова —
Одного из тех друзей...

Ветры, будьте провожатыми,
Запевайте с песней в лад,
Как за городом, над шахтами
На копрах огни горят;

Как проходчики Реутова
Пролагают в недрах путь,
Чтоб войны угрозу лютую
Прочь от мира повернуть...

Мимо бора синеватого
Тропка дальше повела.
Может, встречу где Солдатова —
Садовода из села.

Не метелица сквозь кружевца,
Сквозь окно видна ему:

Вроде яблони там кружатся
В бело-розовом дыму...

Где бы мы в это утро раннее
Ни успели побывать —
Не измерить расстояния,
Обо всем не рассказать.

ЗАРЕВО

Лишь вечер сумрачным покровом
На город спустится с высот,
Широким заревом багровым
Вдруг запылает небосвод.

И, восхищенья не скрывая,
Глядит приезжий человек,
Как туча плавится — живая. —
Роняя отблески на снег.

Глядит... Восторг его не странен,
Коль небеса горят над ним.
И говорит кемеровчанин:
— Красиво? Это коксохим!

Он говорит об этом с жаром,
Гордится он — и неспроста:
Мы потом полили недаром
Глухие здешние места.

Где крик зверей да песни птицы
Будили утренний покой,
Наш город встал во всем величию
В краю таежном над рекой.

ВЕСНА

Что сейчас — зима ли, осень ли —
Знать не знает он, малыш...
Все сосульки крыши сбросили.
Реже, реже каплет с крыши.

Мальчик ловит капли звонкие.
Задержал, поймал одну!
Крепко держит он ручонками
Ясноглазую весну...

БАЯНИСТ

По вечерам в часы досуга
Для всех девчат, села всегда
Нет задушевней, ближе друга,
Нет привлекательней его...

Оставил начатое дело,
Душой откликнешься на зов,
Едва он пальцами умело
Пройдет по пуговкам басов.

И вот уже волною зыбкой
Аккорды звучные плывут.
И ты с задумчивой улыбкой
Замрешь на несколько минут.

Который раз в минуты эти
Тебе подумается вновь:
Как хорошо, что есть на свете
Работа, музыка, любовь!

А старец — тот, наверно, снова
Начнет былое вспоминать.
Себя представит — молодого...
Вздохнет и слушает опять.

Струятся бархатные звуки,
Послушны власти умных рук.
И жар любви, и боль разлуки —
Все ощутимей стало вдруг...

Село стихает понемногу.
Яснее музыка слышна.
Кого-то в дальнюю дорогу
Зовет крылатая она.

Кому-то встречу обещает...
Да мало ль думок у людей!
Лишь баянист один не знает,
Какой он славный чародей.

Глядит бесстрастно вдаль куда-то,
Как будто дела нет до нас...
Нет, не напрасно все девачта
Спешат к нему в вечерний час!

ПОСЛЕ МИТИНГА

Сгрудились люди у стола.
И каждый мог бы здесь признаться:
За мир, за добрые дела
Мечтал он первым подписаться.

Взял лист, фамилии свои
С другими рядышком выводим...
А за окном журчат ручьи,
Готовясь к встрече с половодьем.

Блеснуло солнце из-за туч —
И все вокруг залило мигом.
Внезапно яркий, теплый луч
Лег на бумагу светлым блеском...

Стояли мы — к плечу плечом,
Казалось нам: сама природа
Всесильным солнечным лучом
Скрепляла помыслы народа!

ДУМА СОЛДАТА

Солдат склонился над письмом,
Задумался на миг,
И отчий дом в селе родном
Пред ним, как вьявь, возник..

К весне, февральскою порой,
Как все другие, он
Стоит под шапкой снеговой,
Бураном заметен.

Бывало, выйдешь на крыльцо,
Захлопнув дверь с трудом, —
Сухой мороз дохнет в лицо,
Пахнет чуть-чуть дымком.

Чудесный полдень. Солнце. Тиши.
Вдали синеет лес.
Но ты — владелец новых лыж,
Тебе не до чудес.

Скрепив на валенках ремни,
Скорей — за огород!
А ну-ка, Шарик, догони!
А ну-ка, кто вперед!..

Весной, лишь где-то на бугре
Покажется земля,
Готовишь «бабки» на заре,
С братишкой их деля.

И никому-то невдомек.
Какой же ты герой,
Когда свинцовый твой «биток»
Сшибает «бабок» строй!..

Уже рокочут трактора.
Цветы в глазах ребят,
Сияньем ласковым с утра
Река зовет тебя...

А там и ягоды сбирай
В заветный кузовок.
А там поспеет урожай —
Глядишь, кой-чем помог...

Весь путь — от памятных проказ,
От школы — до погон —
Солдату вспомнился сейчас,
Как милый сердцу сон...

«Да, это больше, чем жилье,
Чем просто мирный кров.
Мой дом — Отечество мое,
Судьба моя, любовь!

Друзья! Трудитесь без помех,
Не бойтесь ничего.
У нас ведь так: один за всех
И все за одного!»

Теперь в полях родной державы,
Борясь за мир своим трудом,
Все так же водит он составы
С пшеницей, коксом и углем.

МАШИНИСТ

Среди гудков разноголосых,
Под лязг железа, ветра свист,
Полкизни прожил на колесах
Земляк мой, старый машинист.

Я помню: в западные дали,
Где жгли фашисты города,
По разогретой звонкой стали
Водил он с грузом поезда.

В окне кружилась ночь слепая
И пыль вилась из-под колес.
Он, как солдат, не отступая,
У жаркой топки вахту нес.

Гудели огненные штормы,
Шальной металл леса косил,
А он кузбасские платформы
На фронт до срока приводил...

Умолкли грозы боевые.
Победе радуясь до слез,
Он счастлив был, когда впервые
Солдат с войны домой привез...

*Раздуши
Раздуши*

* * *

До жилья осталось недалеко.
Ночь вздыхает, звездами пыля...
В чуткой дреме, осенью глубокой
Ты мила мне, русская земля.

Тишина такая в поле чистом,
Словно мир со мною заодно
Загляделся в свете серебристом
На стога, на озимь, на гумно.

Ненадолго, поле, ты уснуло.
Срок придет — откликнешься на зов
Звонких песен, тракторного гула,
Молодых веселых голосов.

Там вон, рядом с рощицей кудрявой,
По весне расти, крепчать дубкам,
Здесь — тянуться к солнцу сочным травам
И глазастым синим василькам.

Будет снова светлое раздолье,
Зелень всходов, золото хлебов.
Все тебе, родное наше поле, —
И заботы наши, и любовь.

Чтобы каждый листик стал моложе,
Чтобы каждый кустик стал цветсти...
Ничего на свете нет дороже —
По земле хозяином идти!

ВСЕСИЛЬНА ЖИЗНЬ...

Всесильна жизни! Из года в год
Цвести садам и злакам...
Все чаще сердце знать дает,
Что мне уж тридцать с гаком.

И мир от этого чуть-чуть
Милей по всем приметам...
Настанет день когда-нибудь,
Все будет в мире этом:

Заря, что брызжет к нам в окно
И щеки нежно гладит,
Чей вечный свет давным-давно
Встречал мой древний прадед;

Дорога дальняя в поля
С колесным четким следом;
В старинном парке тополя,
Посаженные дедом;

Грачий гомон у крылец
И дым над тем заводом,
Где, по рассказам, мой отец
Сводил приход с расходом;

Широкий луг, где мать моя.
Не сломлена кручиной,
Косила сено, помню я,
Шагая в ряд с мужчиной;

Залитый солнцем школьный класс,
Всегда к звонку готовый,
Куда мальчишкой в первый раз,
Входил я с сумкой новой;

Веселый, шумный город мой,
Что стал навек любимым,
С поющеи в рупорах Москвой,
С огнем над коксохимом;

Газета местная «Кузбасс»,
Где хвалят и ругают,
Где — с опечатками подчас —
Стихи мои бывают...

Все это будет. Только мне
Услышать не придется,
Как в лунной дали в тишине
Призывно песня льется.

Как знать, когда своей рукой,
Взрастившей жизни почку,
Над незаконченной строкой
Поставит время точку.

Но не страшусь я той руки,
Не гнусь пред ней умильно.
Печальным датам вопреки
Жизнь на земле всесильна.

Гореть ей радугой-дугой,
Манить ей далью лунной!..

Уйдет один — придет другой,
Красивый, смелый, юный.

Он эту песню вдалеке,
Как поз любви, услышит
И в недописанной строке
Свои слова припишет...

НОВОГОДНЕЕ

Шуршит за окнами поземка,
Снежинки к стеклам зябко льнут...
Давай по рюмочке нальем-ка,
Уже осталось пять минут.

Хотел бы в сердце удержать я
Тот миг, сияющий в глазах,
Когда, как руки для пожатья,
Сомкнутся стрелки на часах!

За что же выпьем мы сегодня,
Земляк мой славный, друг и брат?
Сойдясь на праздник новогодний,
Обычно тосты говорят.

Мы краснобайствовать не будем,
А просто чокнемся — вот так —
И пожелаем добрым людям
Здоровья, счастья, всяких благ...

Когда прочтешь ты строчки эти,
Пусть прозвучат они, как тост,
За все хорошее на свете,
За вечный свет кремлевских звезд!

В МЕТЕЛЬ

Только выйдешь на крыльцо —
И в одно мгновенье ока
Обожжет твоё лицо
Снегом, стужею жестокой.

Возле дома тополя
В три погибели согнулись.
Где тут небо, где земля?
Не видать домов и улиц!

Наугад почти бредешь
В шуме, свисте, диком воев...
Нет, метель, не заметишь!
Мы поборемся с тобою!..

И шагает человек
Так, что всем чертям завидно!
А вокруг бушует снег,
Свету белого не видно...,

Легко на воле дышится.
Не воздух — сладкий сок.
Вдруг «Папа, папа!» слышится
Родной мне голосок.

В цветах — панамка белая.
Дыханье затая,
Глядит вокруг, несмелая,
Светлана, дочь моя.

Наверно, очень жуткими
Ей кажутся кусты.
Синеют незабудками
Глазенки: «Где же ты?»

— Ay! — кричу шутливо я.
Увидела меня!
Бежит ко мне, счастливая,
Забавно семеня...

И в памяти жестокая
Картина ожила...
Такая ж синеокая
Та девочка была.

На поле распростертая,
В таких же вот цветах,
Она лежала — мертвая —
С игрушкой в руках.

А птица с черной свастикой
Над ней, звеня, вилась...
Светланой или Настенькой
Та девочка звалась?..

Мы помним все лишения...
И горе тем врагам,
Кто новые сражения
Опять готовит нам!

ТРОПКА

Ничем не примечательная тропка.
Сто раз по ней я бегал босиком.
Приветливо и даже как-то робко
Опять зовет, как в детстве золотом.

Зовет пройтись по клеверному полю,
Хотя б до тех вон дремлющих кустов,
Послушать птиц и надышаться вволю
Неповторимым запахом цветов.

Иду, — а тропка дальше, дальше манит,
Дышу — и надышаться не могу.
Пускай в пути гроза меня застанет!
Пусть мне подарит радугу-дугу!

Нет ни души. Один я в этой шире.
И все-таки я здесь не одинок.
Со мной, как песня, дума о Сибири,
О Родине, достойной лучших строк.

Простая тропка. Торная от века.
А вот сумей стереть ее, забыть.
Как мало надо сердцу человека,
Чтоб многое на свете полюбить.

Как быстро мчатся дни за днями,
Скрываясь в прошлом навсегда!..
Километровыми столбами
Мне представляются года.

Сперва мы их не замечаем,
Не до того вначале нам.
Потом, как праздник свой, встречаем
И... привыкаем к тем столбам.

Хоть расстоянье между ними
На всем, на всем пути одно, —
Чем дальше, тем неуловимей.
Короче кажется оно...

С какою радостью когда-то
Я шел к двадцатому столбу,
Не шел — летел мечтой крылатой,
Предвидя светлую судьбу!

Я песней звонкой спорил с ветром.
Так жить спешил!

И вот уже
Счет потерял я километрам
На новом дальнем рубеже...

Ну что ж. Пока что нет причины
Впадать в непрошенную грусть.
Пускай прибавились морщины,
Глаза чуть-чуть поблекли. Пусть!

Но зренье зорче. Ум трезвее.
И вдохновения огонь
Горит в груди еще живее
Как прежде, сердце только тронь —

Тотчас в нем, точно чуткий порох,
Мгновенно вспыхнет вдруг огнем,
И звездный свет, и листьев шорох —
Все отзовется песней в нем!

Большое счастье — день свой каждый
Встречать трудом — едва рассвет, —
Чтоб, по земле пройдя однажды,
На ней оставить добрый след.

* * *

Есть стихи, как перезвоны
Серебристого ручья,
Есть, как легкое дыханье —
Ветра вешнего струя;

Есть, как звездочки сиянье,
Как сиреневый закат
Над задумчивой землею,
Там, где неба край покат.

Много есть стихов веселых,
Как вечерние огни.
Знать, в такие вот минуты
И слагаются они!

Но едва ли я сумею
Рассказать тебе сейчас,
Как люблю я все на свете, —
Словно вижу в первый раз.

И не спрашивай, не надо —
Отчего да почему.
Лучше выйди, полюбуйся
На закатную кайму.

Пусть лицо твое обвеет
Теплый южный ветерок,
Пусть он сам тебе расскажет
Лучше этих нежных строк,

Как он счастлив, что ласкает
Щеки смуглые твои,
Как до ночи, не смолкая,
О тебе звенят ручьи,

Как похожа ты глазами
На далекую звезду,
Как по людному проспекту
Одиноко я бреду...

* * *

Веселой песней юность отзвучала.
Ни отголоска больше, ни следа.
Любую песню можно спеть сначала.
А эту — нет. Умолкла навсегда.

Но счастлив я, что так могло случиться:
Как старый друг в забытый всеми дом,
Любовь большая в сердце вновь стучится
Входи скорей! Давно тебя мы ждем.

Скрылся месяц за тучами где-то.
Но светло и в полуночной мгле,
Если сердце любовью согрето
К обновленной тобою земле.

* * *

Наступает зеленое лето.
Распускается роща опять,
Где порою всю ночь до рассвета
Мы любили с тобою гулять.

Сколько тропок мы там исходили —
Только месяц лукавый видал.
Как смеялись, о чем говорили —
Кроме ветра, никто не слыхал.

По росистым, по лунным полянкам
Наши тени скользили не раз.
И казалось березкам-белянкам,
Что не двое, а четверо нас.

Чуть не с каждой березкой часами
Мы беседовать молча могли.
Эту рощу садили мы сами!
Вместе с нами деревья росли!

И они не забыли, конечно,
Как в охапке держали мы их...
Любо в лиственном шуме беспечном
Узнавать нам питомцев своих...

Далеко ты, милая, далеко...
Но, как прежде, сердцу ты близка.
Видишь солнце, вставшее с востока?
Это — нежность и моя тоска.

Всякий раз, лишь брызнет луч в оконце,
Я ревниво думаю о том,
Что к тебе уходит наше солнце,
Чтоб с приветом заглянуть в твой дом.

Далеко ты. Будто за границей...
Но встает с востока алый свет —
И кружится огненною птицей
Над тобой мой солнечный привет.

* * *

Долго ль будем мы порознь томиться,
Урезонивать сердце «терпи»?..
Все равно от любви не укрыться,
Как от солнца в бескрайней степи.

Погляди в эти дальние дали,
В степь, умытую теплым дождем.
Все, что мы в одиночку искали,
Может, вместе быстрее найдем.

Перед нами большая дорога —
Счастье жизни и радость труда.
Никогда я тебя, недотрога,
Не обижу теперь. Никогда!

Перестань же грустить вечерами,
Выходи на дорогу скорей.
Я нашел бы тебя за горами,
А сейчас я стою у дверей.

* * *

Давно — юнцом еще зеленым, —
Заметив: брат не спит, не ест,
Трунил я глупо над влюбленным,
Острил там что-то про невест.

Теперь вот сам грущу, вздыхаю,
Гляжу с тревогой на часы...
А брат молчит (мол, понимаю)
И усмехается в усы.

* * *

Хорошей, славной называю.
А разобраться — что к чему,
За что люблю тебя? Не знаю.
Чем дорога ты? Не пойму.

Но как нужна ты мне, отрада!
Нужна, как парус кораблю.
И в чем тут суть — гадать не надо.
Люблю — и все. Как мир люблю.

Будь в облаках он, будь он в звездах.
Он — вечной радости родник...
Не об'яснить, чем дорог воздух,
Которым дышишь каждый миг.

* * *

Как сказать об этом покороче?
Заглянул в глаза — и как в хмель.
Синей ночью в звездном многоточье
Лишь одно мне чудится: люблю.

Сговорилось словно все на свете —
И машины, шинами шурша,
И берез безлиственные ветви
В шуме ветра шепчут: хороша.

Что случилось — сам не понимаю.
Стал весь мир по-новому пригож...
Счастлив я, что ты, моя родная,
На одной земле со мной живешь.

* * *

Первый снег кружится хороводом.
Побелело всюду... Первый снег!
День за днем проходит. Год за годом —
Не стареет сердцем человек.

Как щедра природа на новинки!
Ждешь с волненьем будущего дня.
Вот и нынче первые снежинки —
Словно праздник светлый для меня.

Даже ты поймешь меня едва ли,
Сколько чувств родить они могли!
Будто сам я в снежном карнавале
Закружился, поднятый с земли.

И гляжу, гляжу я на снежинки,
Счастлив тем, что вместе мы, вдвоем...
Первый снег — как первые сединки
В золотистом локоне твоем.

Но не прячь, не прячь его. Не надо.
Что за утро нынче! Погляди!..
Для любви — сединки не преграда.
Много дней счастливых впереди...

* * *

Опять в саду цветет сирень...
Друзья! Мое вам пожеланье:
С любимой каждый новый день
Встречать, как первый день свиданья.

Не знать до старости разлук,
Оберегать сердца от скуки
И так ценить своих подруг,
Как будто завтра — день разлуки.

* * *

Нехорошая нынче весна:
Сыро, холодно... Просто досада!
Сядем вместе вот здесь у окна,
При тебе мне и солнца не надо.

Может, снег порошит за окном.
Может, дождик... Какое мне дело:
Вижу счастье во взгляде твоем,
На других ты — уверен я в том --
Никогда еще так не глядела..

Я сегодня всю ночь не усну.
...И не раз под ноябрьской порошкой,
Вспомнив хмурую эту весну,
Назову ее самой хорошей.

Или нет! Цветком подснежным
Расцвести у милых ног...
Кем же стать мне — самым нежным
Всем бы стал я, если б мог!

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Саван злой зимы распорот
Острый солнечным лучом...
Снова март ворвался в город
С южным ветром за плечом.

И его улыбкой ясной
Осветилась ты сама...
Чахнет, тает ежечасно
Почерневшая зима.

И опять открыты дверцы
В каждом сердце для весны.
Бьется радость в каждом сердце,
Золотые бродят сны...

В эти дни тревог, желаний,
Непонятных нам самим,
Я б хотел звездою ранней
Над окном гореть твоим.

Или ветром на мгновенье
Стать — ветрам свободен путь! —
Тихой лаской дуновенья
Целовать лицо и грудь.

* * *

НЕЗНАКОМКА

На окнах отблески, как змейки,
От пробегающих авто.
И кто там в сквере на скамейке,
Тебе совсем неважно — кто.

Нисколько даже не завидно,
Ты сам любил, гулял в саду...
Мороз. А тем двоим, как видно,
Тепло на жгучем холоду!

Искрится снежная аллея...
Сидят, счастливы и тихи.
И парень, с нежностью, робея,
Ей что-то шепчет, как стихи...

Прищурив светлые ресницы,
Как дева старая, грустна,
Из облаков на них косится
С ревнивой завистью луна...

Как-то так уж случилось:
По утрам я привык
Примечать золотистый
Меховой воротник.

Ярко-красные губы...
Подведенная бровь...
Обменянемся взглядом —
И расходимся вновь.

Чем влечет незнакомка?
Выражением глаз!
Поглядеть в них подольше
Мне хотелось не раз.

О, когда б она знала,
Понимала сама,
Сколько света во взгляде,
И души, и ума!

Не с такими глазами
Превращать красоту
В украшенье, в приманку,
Что видна за версту!

Вся косметика эта —
Грязь на чистом снегу...
Жаль, что правду такую
Ей открыть не могу...

* * *

Незаметно дни идут за днями —
То морозы лютые, то зной...
Сколько лет ты, занятый делами,
Не видался с матерью родной?

Каждый год клянется вы с женою,
Отпуск взяв, у мамы побывать.
Но настанет время отпускное —
И... на юг вы едете опять.

Где-то ты и тверд, и независим,
Что бы здесь поставить на своем!
Пишет мать, а сыну не до писем,
Он все занят: — Как-нибудь потом...

Отошлешь ей деньги и спокоен:
Оправдал бездушие свое.
Только вряд ли «чуткостью» такою
Осчастливить можешь ты ее.

Мать иначе долг свой понимала.
В те года, как был ты малышом,
Чуть заплачешь — к сердцу прижимала.
И ни разу в жизни не сказала,
Мол, успею... как-нибудь потом.

* * *

Если чувства, как спички, растрячены
На ветру легкомысленных встреч.
Вряд ли фразами мнимо-горячими
Снова сердце сумеешь зажечь.

Все ты в жизни расценивал дешево,
А теперь вот с пустым коробком,
Без детишек, без друга хорошего
Вдруг окажешься ты стариком.

Будешь жить — одинокий, безропотный,
Вроде серого мшистого пня...
Так порою охотник неопытный
Замерзает в снегу без огня.

* * *

Хорошо, наверно, быть поэтом, --
Говорила дочка лесника, —
А сама задумчиво при этом
Провожала взглядом облака.

Только стихло грома грохотанье
И, спеша куда-то на восток,
Облака меняли очертанья —
Подгоняя их свежий ветерок.

Было мне приятно беспринципно
Слышать рядом голос молодой...
— Посмотрите, целая картина:
Дом, река, деревья над водой.

Я взглянул на небо. В самом деле,
Хоть берись скорей за карандаш.
Долго мы в молчании глядели
На текучий облачный пейзаж.

А потом ни домика не стало,
Ни реки, намеченной едва.
Вместо них, как в сказке, вырастала
Неземных размеров голова.

Человек, а может быть, горилла.
Что представишь — можешь увидать.
Помолчала. Вновь заговорила:
— Я люблю порою помечтать.

Сяду с книгой вечером к окошку,
Почитаю малость, отложу:
Где-то песни, танцы под гармошку,
А меня не манит. Не хожу.

И не то, чтоб кто-нибудь обидел,
Просто так привыкла с малых лет.
В чаще птичка спросит: «Митю видел?»
«Фитю-фитю!» — слышится в ответ.

Подмигнет ли звездочка над лесом —
Я уж глаз не в силах отвести...
А еще, признаться, с интересом
Примечаю что-нибудь в пути.

На коне верхом, бывает, еду.
Все деревья, кажется, родня.
То шумят — ведут со мной беседу,
То молчат — сердиты на меня.

Тишина. Кузнечики стрекочут.
В жаркий день такой от них трезвон!
А иной забавно так подскочит,
Будто сесть на лошадь хочет он...

Вы гостить к нам ездите все летом,
И зимой бы надо побывать...
Хорошо, наверно, быть поэтом, —
Повторила девушка опять.

Что она под этим разумеет —
Я не знаю. Но сомненья нет:
Так природу чувствовать умеет
Только тот, кто сам в душе поэт.

Даръ заречная
Даръ заречная

Нестареющая, вечная
Красота земли родной —
Голубая даль заречная
С луговою тишиной...

Обнимаю взглядом ласковым
Все травинки на лугу.
Будет срок — живую сказку вам
Расскажу я, как могу...

Вон березка в пышной кофточке,
В белой юбочке своей;
Вон тальник присел на корточки,
Молча смотрится в ручей.

На жужжание знакомое
Обернулся я. Пчела!
С добрым утром, насекомое!
Как живется? Как дела?

Ну, а ты о чем, безвестная,
Пригорюнилась, копна?
Ты же нашенская, местная,
Гордо выглядеть должна!

Знала б ты, как веет по лугу
Ароматом от тебя, —

Под небесным ясным пологом
Ты б стояла, не скорбя...

У тропы над синей лужею
Я гляжу во все глаза:
Бертолету неуклюжему
Подражает стрекоза.

Так же кружится медлительно.
Даже в крыльях сходство есть.
Так же — просто удивительно! —
Где угодно может сесть...

Мостик, заводь, куст смородины,
Паровозный крик вдали —
Это все — частица Родины,
Мирный день родной земли.

* * *

Прозрачные сумерки летние
Коснулись прибрежных плетней.
Задумались ели столетние,
Стеснясь к огородам плотней.

Люблю я вот эту привольную
Спокойную, строгую тишину.
С какой теплотою невольною
На мир задремавший глядишь!..

Осколком закатного золота
Блеснула звезда вдалеке.
Смеется задорно и молодо
Ее отраженье в реке.

За желтой тесовой оградою
Светлеет бревенчатый дом...
Когда-нибудь будет отрадою
Мне добрая память о нем.

Еще обязательно вспомнится,
Как, тихо плывя над тайгой,
Луна — белобрысая скромница —
За кедр зацепилась сергой;

Как вспыхнули окна веселье —
Там лампочку кто-то зажег —
И как под горою, за школою
Стучал хлопотливый движок...

* * *

Сколько раз берёзка возле прясла
Загоралась жарко на заре;
Сколько раз, прощаясь с солнцем, гасла
На вечерней сумрачной поре.

Вдруг как будто чудо с ней случилось:
В час, когда заря ее зажгла,
Так она листвою засветилась,
Что погаснуть больше не смогла.

И теперь, как зорька золотая,
Даже ночью излучает свет,
Журавлям далеким посылая
Свой прощальный, пламенный привет..

Часто здесь, с березкой этой рядом,
У калитки девушки стоит,
Теребит платок и долгим взглядом
В темноту осеннюю глядит.

И глядит, конечно, не случайно:
Наступает долгожданный срок —
Лишь замолкнет в поле гул комбайна,
К ней спешит плечистый паренек.

Псцелуи, шепот у калитки,
Двух сердец таинственная речь...
А березка золотые слитки
На тропу роняет с белых плеч.

Стелет коврик с шумом полусонным,
Сыплет бусы — чистую росу,
Словно хочет подарить влюбленным
Всю свою последнюю красу.

НАЧАЛО ЗИМЫ

С утра в глазах рябят снежинки,
Штрихуют воздух, торопясь
Засыпать тропки и ложбинки
И оголенных веток вязь.

Сперва покров настолько тонок,
Так шубка снежная нежна,
Что ступит валенком ребенок —
Чернеет след, земля видна.

Здесь шины след, там след копыта.
За всем, попробуй, усмотри!
Но снег упрямо, деловито
Летит и час, и два, и три...

И вот уж в белое затишье,
В простор сияющего дня
Легла, как первое двустишье,
Чуть подсиненная лыжня.

А снег летит. И нам приятен
Его полет. Вблизи, вдали
Все меньше, меньше темных пятен
На светлом облике земли!

* * *

В серебристом, чистом инее —
До чего ж хорош убор! —
Смотрит вдаль, в раздолье синее
Вековой сибирский бор.

До весны, до пенья птичьего
Стих и замер мир лесной...
Сколько русского величия
В соснах, вставших тут стеной!

С детства памятной картиною
Зачарованный, бежишь.
Снег сверкающей лавиною
Ускользает из-под лыж.

И как будто став крылатыми,
Все деревья — погляди —
Машут ветками мохнатыми,
Дескать, доброго пути!

В ДОРОГЕ

Гляжу в окно вагона
На ясный летний день.
Бежит с вагоном рядом
Его живая тень:

То вскочит на пригорок,
То спрыгнет под откос
Под тихий посвист ветра
И бойкий стук колес...

В который раз я еду
По Родине своей!
В который раз я вижу
Простор родных полей!

И снова, как бывало,
Как будто в первый раз
Все сердце мне волнует,
Все радует мой глаз.

Дымок от паровоза,
Как снег январский, бел,
Легко, неторопливо
Над полем пролетел.

Растаял над цветами,
Над сочною травой...
Огромный одуванчик
Напомнил он собой...

От бабочек-капустниц
Белым-бело вокруг...
И кажется: ромашки
Взлетели с поля вдруг...

Все дальше, дальше, дальше
Несется поезд наш...
И вот перед глазами
Иной уже пейзаж:

Кружатся сосны, ели —
Шумящий хоровод.
Вот солнышко блеснуло
В ручье лесном. А вот

В тени густой — осока
На кочках меж кустов,
Как скопище зеленых
Вз'ерошенных голов...

А вот у переезда
Мелькает алый цвет —
То галстуки алеют,
Ребята машут вслед...

БАБЬЕ ЛЕТО

Речка светится латунью
В желто-ржавых берегах.
Клонит в сон ее, болтунью,
Тишина в пустых лугах.

Лишь порой над хрупкой тишиной,
Где прохлада и сухмень,
Самолет летучей мышью
Пронесет косую тень.

А давно ль река смеялась
Звоном детских голосов,
Серебрилась и плескалась,
До лесов бросая зов!

Шум купанья, трепет клева —
Все за дымкой голубой.
Нынче даже рыболова
Не увидишь над водой.

И уносят в школу дети
Вместе с книжками в руках
Память добрую о лете —
Запах солнца на щеках.

ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДЬ

Запахом влаги дохнул ветерок.
Сразу темно по-осеннему стало.
Стихло все, замерло. Дождь недалек!
Слышишь, как первая капля упала?

Видишь, другая задела стекло.
Вот застучало по крышам покатым —
И потекло, потекло, потекло,
С яркими вспышками, с гулким раскатом.

Дождь за минуту весь город обнял.
Тучи проходят над самой землею.
Будто бы с неба обрушился шквал
Серо-свинцовой тяжелой стеною.

...Грохот уходит все дальше на юг.
Ливень проворный устало стихает.
Тучи, как дым, разлетелись — и вдруг
В городе словно опять рассветает.

Землю и небо умыла гроза.
Дали прозрачней, сады зеленее.
Вечер открыл голубые глаза,
Нежным румянцем заката алея.

РЖАНОЕ ПОЛЕ

Кому не дорог мирный вид
Дорог, обкатанных до блеска,
Полей, где золото шумит
Крутой волной у перелеска!..

Хлеба... Им края не видать.
Нет на земле картины краше.
Невольно молвишь: — Благодать!
Вот наша мощь, богатство наше.

Гордись, товарищ хлебороб.
Да что с тобой? Не рад ты, что ли?
Какая мысль морщинит лоб?
Чем плохо, друг, ржаное поле?

...Ушел. Ни слова не сказал,
Заслыщав где-то гул комбайна.
Я только позже разгадал,
Чем озабочен был он тайно.

Когда вязали первый сноп —
Стократ длинней казались сроки.
Тогда был счастлив хлебороб
Увидеть ржи разлив широкий.

Но время шло. Настали дни —
Все чаще хмарью дышит небо.
А в поле больше чем стерни
Еще не скошенного хлеба.

Не любоваться им сейчас —
Косить, косить скорее надо!
Еще ночами много раз
Работать будет вся бригада,

Еще помокнешь под дождем.
Дрожа от ветра спозаранку,
Пока спокойно за столом
Разрежешь свежую буханку...

ТОПОЛЬ ПОД ОКНОМ

По садам — листвы охапки.
Грустно осени самой.
Но стоит в зеленой шапке
Под окошком тополь мой.

Все он силы собирает,
Как Сибири верный сын,
И открыто презирает
Легкомысленных осин,

Тех, что вянут без причины,
Вечно робости полны.
Знать, недаром вы, осины,
Лишь на колья и годны.

Вскинул голову высоко
Тополь. Тем он мне и мил:
До последней капли сока
Биться с холодом решил!

В ФЕВРАЛЕ

Еще февраль — пора морозов.
Но по утрам и вечерам
Огонь зари пылает, розов,
Весну напоминая нам.

Совсем случайно и нежданно
Мы снова замечаем вдруг,
Что в синий полдень нет тумана,
Светло и празднично вокруг.

И вновь мы верою согреты
Во все несбыточные сны,
Увидев первые приметы
Едва замеченной весны.

* * *

Пропахший травами и хвоей,
Порою мокрый от дождя,
Делюсь я радостью с женою,
Под вечер из лесу прида:

— Ну, поздравляй меня с удачей.
Хороший выдался денек.
Я нынче справился с задачей,
Гляди-ка, сколько сделал строк!

С натуры все. Пока — наброски,
Так, разговор с самим собой.
Но штрих живой, пускай неброский,
Дороже выдумки любой.

Что видел, слышал — пригодится:
И всплески рыбы на реке,
И в лодке — в стареньком корытце —
Мальчишка с удочкой в руке,

И перекличка конских ботал,
И взлет тяжелый глухаря...
Неплохо, в общем, поработал,
Считай, что день прошел не зря.

— Ишь, поработал! —

Вижу, теща
Сейчас подпустит мне ежа.
Работать так куда, мол, проще,
На пень тетрадку положа.

Ну так и есть...

— Нашел работу!

Сидеть на солнце, спину жечь.
Добро бы жердь прибил к заплоту,
Сметал бы стог, сложил бы печь.

А то — стихи. Да неужели
За это деньги платят вам?
Вот чудаки. Совсем сдурели,
Привыкли к разным пустякам...

Наутро тихо, без баухальства,
Беру я гвозди, молоток
И — где по шляпкам, где по пальцам —
Такой там поднял стукоток!

...Готова новая ограда,
Светла, как летняя заря.
И сам я рад, и теща рада,
Смеется: — День прошел не зря.

И хоть заноза на занозе —
Доволен я, как ученик...
Нет в жизни места скучной прозе —
Вся жизнь — поэзии родник!

СОЛНЦЕ ВСТАЛО

Сладок сон твой и глубок он...
Но спешит поднять с постели
Чей-то гомон возле окон.
Это птицы прилетели!

Погляди: сквозь щели ставней
Струйки света воздух точат.
Побеждая мрак недавний,
Солнце в дом ворваться хочет.

Так встречай его скорее,
Выходи весне навстречу!
Свежесть пей, душой бодрея.
Наслаждайся птичьей речью...

Как прекрасно в мире этом!
Снова память подсказала:
«Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало».

НА ЗАКАТЕ

Как перед матерью счастливой,
Взрастившей славную семью,
Степное солнце перед нивой
Склоняет голову свою.

Что говорит ей луч прощальный,
Скользя к ночному рубежу?
— Не унывай, не будь печальной,
Я ненадолго ухожу!

И с тихой лаской человечьей
В ответ вздыхает нива-мать:
— Что ж, до утра, до новой встречи!
Не вздумай, солнышко, проспать.

* * *

С утра вчера тепло и ясно было,
А в полдень солнце скрыли облака —
И загудели глухо и уныло
В пролетах улиц вихри сквозняка.

Таков октябрь. Не любит церемоний.
Вступил в права — порядок свой навел.
Хоть выглядит он сумрачным засоней,
А нрав его коварен и тяжел.

Пришел и всем подкручивает гайки —
Спешит с деревьев листики сорвать.
Два дня назад сынишка бегал в майке,
Сегодня впору шапку надевать...

ДЕТСТВО

Помню время золотое,
Дни, как радужные сны...
Лето, солнцем залитое.
Дремлёт в мире тишины.

Где ты, детство?..
Где-то рядом,
Возле дома моего.
Может, здесь, за этим садом,
Повстречаю я его?

Может, там, за партой в школе,
Все еще сидит оно?
Иль, устав играть на воле,
Смотрит в синее стекло?

Или там, в селе далеком,
У забора над репьем
Наблюдает резым оком
За хохлатым воробьем?

Тяжело цветам от зноя...
Чьи-то лошади, пыля,
Скачут вечером в ночное
За окопицу, в поля.

Росы падают на травы.
И до самого утра —
Звезды, искры, дым кудрявый,
Разговоры у костра.

Из туманного далека
Манит образ милых дней.
То он — реющий высоко
Длиннохвостый белый змей;

То, как путь, слепящий снегом
На укатанной горе,
С окрыляющим разбегом
В снежном пыльном серебре.

Мчатся дни, как выюга — замять,..
Много в жизни новизны,
Но хранит навеки память
Детства радужные сны.

Пусть они чуть-чуть поблекли, --
Все мне виден тот мирок
В перевернутом бинокле:
И уменьшен, и далек...

ИЮЛЬ

Нынче солнце сильно щедрым было.
Вся земля бы подтвердить могла,
Как оно старательно светило,
Сколько подарило ей тепла.

Посмуглели от загара лица.
Там, где капли падали с весла.
Гуще травы стали. И пшеница
Очень зrimо за день подросла.

Разбросав над полем позолоту,
Скрылось солнце. Но прозрачна даль.
За его хорошую работу
Вынес вечер лунную медаль.

ПЕРЕПЕЛКА

Опустело на проселке,
Спит охотник у костра.
Только голос перепелки
Не смолкает до утра.

Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

ПОСЛЕ РЫБАЛКИ

Долго мучает ночами
День минувший рыбака:
Волны ходят обручами
От дрожанья поплавка.

Всплыл откуда-то подсолнух.
Где его я видеть мог?..
Это солнце, солнце в волнах —
Ярко-рыжий поплавок!

В ПОЛДЕНЬ

Тарахтя в пыли, с разбега,
Зацепив прибрежный куст,
В речку в'ехала телега —
Брызги, шум и гальки хруст!

Солнце — следом на подмогу.
Мол, зачем напрасный гром?
В синей речке путь-дорогу
Устелио я серебром!

Солнце, выйдя вслед за месяцем,
Пламенеет кумачом,
На траве росистой светится
Озорным своим лучом.

Паутинками узорными
Вышит воздух — там и тут...
Капли пота стали зернами
И веселой песней — труд!

НИВА

Волны, волны в море золота...
Сердце радуют поля.
Расцветает пышно, молодо
Наша добрая земля.

Воздала она сторицею
За усердие в труде:
Плещет буйною пшеницею
На вчерашней бороде.

Напоенной ливнем, росами,
Обогретой знойным днем,
Любо ей шуметь колосьями
На просторе голубом.

Каждый колос в руки просится;
Погляди, какой, мол, я.
Хорошо, привольно косится,
Если вся земля — твоя!

Лишь за далями бескрайними
Ночь растает, словно дым,
Рожь встречается с комбайнами,
В пояс кланяется им:

Далеко летит над нею
Пересвист и звон..
Вряд ли выразить сумею,
Как я в мир влюблен.

В избы дальнего селенья,
В ранние дымки,
В величавое теченье
Голубой реки,

В чей-то голос в тихой роще,
В солнце, в птичий грай,
А сказать точней и проще:
В свой родимый край.

* * *

Новый день! Он будег долог,
Жаркий летний день...
Над рекой — тумана полог,
Свежей ночи тень.

За рекой, за кромкой леса
Красный шар встает.
Тает белая завеса
У прибрежных вод.

Выплыл остров перед взором.
Все видней вокруг.
Славят утро звонким хором
Голоса пичуг.

Хорошо по водной шире
На плоту скользить!
Как же можно в этом мире
Равнодушным быть?

Вот и Томь, вздохнув устало,
Под лучом косым
Засмеялась, заиграла
Серебром живым.

На литературные
тезисы

На литературное
издание.

* * *

Читатель! Друг мой неизвестный!
Ты стал судьей в моей судьбе.
Едва рождается в сердце песня —
Я вспоминаю о тебе.

Такой, как есть, всегда со мною
Сидишь ты рядом за столом:
С открытой щедрою душою,
С живым, бесхитростным умом,

С любовью к людям, с вечной жаждой
Работы, нового всего...
Тебе служу я строчкой каждой,
Всей страстью слова моего.

Пусть наш союз живет и дальше!
Порви его — и между строк
Вкрадется тень невольной фальши
И равнодушья холодок...

* * *

ВСТРЕЧА

Обидно мне: за тридцать с лишним лет
Я не сказал значительного слова.
А может быть, его в душе и нет?
Быть может, зря ищу его я снова?

Нет, есть оно! Недаром же в груди
Всегда живет такое ощущенье,
Что не в былом, а где-то впереди
Мой лучший стих, всей жизни откровенье.

Перед шахтерами со сцены
Поэт стихи свои читал.
Как будто гром ударил в стены,
Когда в ладоши грянул зал.

И думал юноша в смущеньи:
Затем ли он пришел сюда?
Обычный даньюуваженья
Хлопки бывают иногда.

Нет, он хотел совсем иного.
Хотел бы он спросить сейчас:
«Дошло ль мое простое слово
До сердца каждого из вас?..»

Но вечер кончен. На прощанье
Комсорг поднес ему букет.
И вдруг привлек его вниманье
Один шахтер преклонных лет.

Глядел он с доброю усмешкой,
Как бы желая тем сказать:
Не уходи от нас, помешай,
Хочу с тобой потолковать...

С таких вот слов, и в самом деле,
Он начал этот разговор.

— Признаться, за душу задели
Твои стихи, — сказал шахтер.

И плечи юноша расправил:
«Нашел признанье! Вот оно!»
— Но, — помолчав, шахтер добавил, —
Не все. Верней сказать — одно:

Где — про любовь к родному краю,
Про то, что чувствую я сам.
Вот это стих — я понимаю!
Лежит душа к таким стихам.

Видать, писал ты с чувством, с толком,
Не хладнокровно, а любя.
«Вставало солнце над поселком...»
Забыл я, как там у тебя?..

«Звон голосов и птичье пенье...»
Вот жаль, не помню наизусть.
Но знаю, в том стихотворены
Вся жизнь — и радость есть, и грусть.

А там, где в общем все, наружно, —
Пришел, увидел, победил, —
Таких вещиц писать не нужно,
Не стоит просто тратить сил.

Ведь как случается порою?
Читаешь: уголь, уголек,
А места главному герою —
Один куплет на сотни строк.

Гляди, дружок, подальше шtreка,
Комбайн — машина как-никак.

Ты покажи нам человека,
Пускай живет в стихах горняк!

Ведь он не только уголь рубит,
Не только смотрит в чертежи —
Он все живое в мире любит.
Об этом песню ты сложи!

...Смущен поэт. Шахтер увидел,
Сказал задумчиво, смягчясь:
— Прошу прощенья, коль обидел...
Дела-то общие у нас.

Давно, признался, мне охота
Сдружить поэта с горняком.
Люблю я, брат, когда работа —
С душой, с любовью, с огоньком!

* * *

Всю ночь сижу, всю ночь ищу слова.
А за окном бледнеет синева.
Я знаю, что мой путь не на века,
Но если б хоть одна моя строка,

Один хоть штрих, пускай других бледней,
Дополнили картину наших дней!..
Близка заря. И, впаян в алый свет,
Передо мной — завода силуэт.

Быть может, там, за окнами цехов
Мои герои ждут моих стихов.
Чтобы трудом стране родной помочь,
Мы вместе не заснули в эту ночь.

Так у станка, забыв про тяжесть век,
Стоит мой сверстник, русский человек.
Простой на вид, ничем не знаменит,
Он вдохновлен работой. Он творит.
Он каждый день на новом рубеже.
Он в будущем году живет уже!
Пускай мой стих — лишь отблеск; а не сталь,
Зато в руке у токаря деталь,
Я счастлив тем, что кто-нибудь из нас
Свою победу празднует сейчас.

* * *

Ты ищешь слово, грезишь песней.
Оставь же комнатный мирок.
Что может быть еще чудесней
Земных просторов и дорог!

Где труд кипит, подобно бою, —
Родится столько чувств и дум!
И песнь придет сама собою,
Как ветра свист, как листьев шум..

От содержания большого,
От человечности живой,
От поэтического слова
И от грамматики простой...

Нет, настоящий продолжатель,
Собрат и друг его лишь тот,
Кто званье гордое — «писатель»,
Как стяг, с достоинством несет!

ВЕКА ЖИВЕТ СТИХОТВОРЕНИЕ

Века живет стихотворенье,
Коль настоящее оно:
Где и душевное горенье,
И мысли свежее зерно.

Но есть стихи и есть подделки.
Глядишь — в печать штукарь пролез.
Мыслишки серы, чувства мелки,
Зато уж форма — верх чудес:

Кой-как срифмует две—три строчки,
Расставит лесенкой... И что ж?
Считает: в этой оболочке
На Маяковского похож.

А результаты, как ни странно,
Всегда одни выходят тут:
Как будто шапку великана
Примерить хочет лилипут...

Порой бывает даже модно
Хвалить новаторство того,
Кто пишет, так сказать, «свободно»,
Причем свободно... от всего:

* * *

Глухая полночь, в доме тиши,
А ты над чистою бумагой
Уже который час сидишь,
Как над ручьем с пропавшей влагой.

И вдруг в песке, на самом дне
Живая струйка показалась —
Слова родились в тишине,
А там и строчка заплескалась!

Глядишь — звенит уже ручей:
Готово все стихотворенье!
...Как жаль, что множество ночей
Ушло на сон; ушло в забвенье.

* * *

...Что-то нехотя и вяло
Муза вдруг заковыляла.
Не застрияла бы совсем
На дороге новых тем!

Нет, не дам случиться горю.
Отдохнет — опять пришпорю!
Важно сделать шаг вперед,
С места взять, «а там пойдет»!

Этой фразою крылатой,
Новым замыслом об'ятый,
Сам Твардовский в трудный час,
Знать, стегал себя не раз...

ЧИТАТЕЛЬ — ДРУГУ ПОЭТУ

Ты человек. И все мирское
Тебе не чуждо, знаю я.

Порой и грустью, и тоскою
Душа встревожена твоя...

Любил, как водится, кого-то,
Свиданье милой назначал..
Под вечер, выйдя за ворота,
В груди волненье ощущал.

И нынче, ставши семьянином,
Со всеми с нами наравне
Всегда готовишь к именинам
Подарки детям и жене...

Свое здоровье ценишь свято:
Нормально ешь, нормально спиши.
Как всем, нужна тебе зарплата,
Не даром трудишься — творишь.

Спеша по городу родному,
Иль тропкой по полю идя,
Ты рад цветам, березкам, грому
И каплям звонкого дождя.

И не одни в труде «находки» —
Сравненье, рифма, верный ритм —
Бывает так, что стопка водки
Тебя с морозу ободрит...

Ты человек! И все мирское
Тебе не чуждо. Верю я.
Так почему ж в стихах — другое?
Скажи, где в них душа твоя?

Твои герон даже в горе
Под стать безумным бодрячкам.
Всегда огонь у них во взоре,
В душе — пристрастие к речам.

Сам бродишь в роще, на охоте,
А твой лирический герой
И днем и ночью на работе,
Не ест, не пьет, не спит порой.

Увидят критики вот это
И, от восторга не дыша,
Начнут расхваливать поэта
Мол, тут идея хороша:

Воспета жизнь в таежном крае,
Детали стройки хороши...
А я, читатель, так считаю:
Пустая штука, без души.

Комплект машин благовейно
Ты описал со всех сторон,
И все в порядке: раз — «идейно»,
Вопрос поэзии решен.

Ты не заметил даже листик,
Задевший девичье лицо...

И не художник, а статистик
В холодных строчках налицо.

Да что читатель! Если честно
Признаться мог бы ты ему,
Сказал бы: нет, не интересно
Читать такое самому...

Не спорю, труд — всего основа.
Но человек — не механизм.
А ты считаешь: все готово,
Коль вставил слово «коммунизм».

Пером поэта не владея,
Тебя прошу я об одном:
Пускай высокая идея
Родится в образе живом!

Писать лишь критикам в угоду —
Подумай сам — большая ль честь?
Ведь ты решил служить народу,
Так покажи, какой он есть!

МОИ ДРУЗЬЯ

Где б ни был — в городе, в поселке, —
Я с детства к этому привык,
Чтоб на столе, на тесной полке
Со мною были стопки книг.

Бывает так: нет рядом друга,
С кем побеседовать бы мог,
А за окном и ночь, и выюга...
И все же я не одинок.

Быть может, холодно в квартире,
И ночь прошла — не знаю я.
Плынет в другом, далеком мире,
Как лодка, комната моя.

Не просто книга на ладони —
В степи встречаю я зарю.
Смотрю на волны в Тихом Доне,
Как иногда на Томь смотрю.

Я там, где мир, сверкавший синью,
Померк внезапно на глазах:
Я там, где мертвую Аксинью
Григорий держит на руках...

Прощай, казак! Я с Павкой вместе,
Веселый, бодрый, молодой,
На поле браны, поле чести
Несусь на лошади гнедой.

...Безногий летчик, русский воин,
В машину сел. Берет разбег.
Я за судьбу его спокоен:
Он — настоящий человек.

...Блиндаж. Клубится дым махорки.
И, как на фронте повелось,
Любимец наш Василий Теркин
Опять солдат смешит до слез.

...Умолкли пушки. Ясным светом,
Весною все озарено.
И алый флаг над сельсоветом
Струит свой свет в мое окно.

ЧИТАЯ «СУДЬБУ ЧЕЛОВЕКА» М. ШОЛОХОВА

...Будто сам я сижу на плетне
Рядом с тем пожилым незнакомцем
В необ'ятной степной тишине,
Под весенним ласкающим солнцем...

На колени, где латка видна,
Положил он тяжелые руки;
Округлилась устало спина,
В тихом голосе — хриплые звуки.

Доверяя всем сердцем тебе,
Поглощенный недремлющей думой,
О своей многотрудной судьбе
Говорит незнакомец угрюмый.

...Задыхаться в фашистском плену,
Невредимым вернуться оттуда,
Потерять и детей и жену,
И не сдаться — великое чудо!

Вот он, русской души человек
С чьим-то даром — с кисетом помятым.
Повстречишь его — и навек
Станет он твоим другом и братом.

ПИСАТЕЛЬ-БОЕЦ

Жизни гайдаровской даты,
Словно знамена горят.

Книги его, как солдаты,
Тесно построились в ряд.

Пусть их на полке немного —
Дорог нам томик любой.
Будто стоишь у порога
В солнечный мир молодой.

Будто врагов карауля,
Сам он — в строю этих книг.
Каждое слово — как пуля,
Каждая строчка — как штык.

Будто опять, как когда-то,
Слышим заветную речь:
Жить надо честно, ребята,
Родину надо беречь...

Нет, не одно только в жизни —
Светлый писательский дар —
Жизнь свою отдал Отчизне
В грозные годы Гайдар.

Смелым бойцом-коммунистом
Встретил последний свой час...
Взором открытым и чистым
Смотрит со снимка на нас.

Будто бы к нам обратиться
Хочет, мечты не тая:
Жить, побеждать и трудиться —
Счастье большое, друзья!..

Сам он трудился недаром,
Страсть свою в книги вложив:
В мире, воспетом Гайдаром,
Каждый герой его жив.

Верная в этом порука —
Думы советских ребят:
Многие Гека и Чука
В жизни увидеть хотят;

Лучшим своим пионерам
Имя Тимура дают...
Всем нам высоким примером
Служит гайдаровский труд.

Бури певца не согнули,
Цели своей он достиг:
Каждое слово — как пуля,
Каждая строчка — как штык!

НАШ ПУШКИН

Кто, с детства в Пушкина влюбленный,
Не повторял всю жизнь потом:
«У лукоморья дуб зеленый;
Золата цепь на дубе том».

Опять лучи скользят по крышам.
Листва росой блестит, шурша,
Во всем, что видим мы и слышим,
Живет, друзья, его душа.

Поют гудки над нашим краем,
Среди тайги дворцы встают,
И мы невольно вспоминаем:
«Не пропадет ваш скорбный труд».

Да, верил он, певец кудрявый,
Предвидя светлые годы,
Что станет делом чести, славы
Наш труд, свободный навсегда.

...Когда в эфире на рассвете
Звучит знакомое: Москва,
Мы, вспоминая о поэте,
Твердим крылатые слова:

«Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!»
Он жив! И не было разлуки,
Хоть больше века пронеслось.

Не он ли, Пушкин, в дни ненастья
Пророчил с гордостью за нас
Звезду пленильного счастья,
Что над страной горит сейчас.

И в дни, когда расцвету мира
Вновь капитал грозит войной,
Его воинственная лира
Бойцом встает в народный строй.

Мы всем врагам ответим снова
Словами острыми, как штык:
«Иль нам с Европой биться ново?
Иль русский от побед отвык?»

И ту свободу, что когда-то
Восславил наш родной поэт,
Его потомки ныне свято
Хранить клянутся сотни лет!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Сергей Есенин... Был такой когда-то
Поэт российский. Многим не чета.
(Для наших дней поэтов маловато,
Хоть от стихов в журналах пестрота).

Его стихи о людях, о природе
Со школьных лет я в сердце сохранил.
Всей силой чувств, какая есть в народе,
Он нашу землю русскую любил...

Шагаю полем, строчки повторяя, —
Как с чем-то кровным, с ними я знаком, —
«Пусть скажут так: что «роща золотая
Отговорила милым языком...»

Нет, как назло, поблизости комбайна, —
Досужий критик в этом упрекнет, —
Но счастлив я и рад необычайно,
Что вижу солнце, синий небосвод;

Что высоко над самой головою
Я журавлей прощальный слышу крик,
Что березняк шумит сухой листвою,
Как милый мне есенинский дневник...

ДЕВИЧЬЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Пародия.

Я одна иду домой.
Вся печаль моя со мной.
Неужели ж мое счастье
Пронесется стороной?

(М. Исаковский).

Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен...
Льются, льются голоса...
С ветром шепчется лоза...

(Н. Рыленков).

Рас прощался милый мой,
Я одна пошла домой...
Льется, льется синева,
С ветром шепчется трава.

(И. Рыжиков).

Написал большой поэт
Песню-стих на много лет.
Стала песня знаменитой,
Облетела целый свет.

Кто не помнит в песне той,
Задушевной и простой,
Примечательную строчку:
«Я одна иду домой»?

Поначалу шла одна,
В грусть-печаль погружена.
А теперь подружек уйму
За собой ведет она.

Как случилось? А вот так:
Увидал ее земляк
По прозванию Рыленков,
Увидал — попал впросак.

Он любовью воспыпал,
Стих про косы написал.
Композитор-говорёнка
Тут же ноты набросал.

С той минуты день за днем
За колхозным за селом
Ходит по полю девчонка,
Чья она — не разберем.

Не виденье, не обман —
Русы косы, тонкий стан...
Соблазнился той красоткой
Некто Рыжиков Иван.

Вслед за первою строкой
«Распрощался милый мой»
Вывел твердою рукою:
«Я одна пошла домой».

Самому строка мила!
Ничего, что уж была.

Все же разница большая:
Там «иду», а тут — «пошла».

И пошла — преграды нет —
Не куда нибудь, а в свет!
Вместе с нею вышли в люди
Композитор и поэт...

Поразмыслил я чуть-чуть,
Разобрался, в чем тут суть,
И еще одну девчонку
Порешил отправить в путь.

Где ты, друг, приятель мой?
Подбирай-ка ноты, пой!
Песня новая готова:
«Я одна хожу домой»...

Так и ходят за селом,
Где-то во поле чужом,
Близнецами став нежданно,
Ходят девушки гужком...

ВО ХМЕЛЮ

Пародия

Не хочу краснеть у тына,
В пальцах мять зеленый хмель...
Знаю, пес мой обнюхал заносы...
Хорошо, в какие сны и страны
Ни поляжет песенный разлив...

Поэт, поэт... корявый да нескладный...
Золотую бадейку луны...
Светлая песня взволнованной скрипки...
И тихо дремлет над колыбкой мать...

Гляжу — с портфелем как то мимопутком...
И стоит курган высокий
посреди родной природы...
И все с того, что жив и ждали,
зря тревожась...

(Николай Тряпкин. Сборник стихов «Первая
борозда»).

Раньше был Сергей Есенин,
Нынче — Тряпкин Николай...
Ах, вы, сени, мои сени,
Хмель у тына, песий лай!

Если слово не поляжет —
Я в строку его забью.
Кто мне скажет, кто укажет,
Что неважно я пою?

Был бы жив певец кудрявый,
Мы б на пару с ним — ого!
Ничего, что я корявый,
Что нескладный — ничего.

Я бы дал ему идеяку,
Подсказал бы — что и как.
И луну, свою бадейку,
Подарить бы мог за так.

Только жаль — тому поэту
Не бывать в моем саду.
По селу, по сельсовету
Я один сейчас иду...

А как «вдарит» где-то скрипка —
В трех соснах я, как в бору,
Где кобылка, где колыбка,
Сам никак не разберу.

Помутился я рассудком,
Заблудился я в селе.
Но и все же мимопутком
След оставлю на земле!

Не спроста земные соки
Пью я утром на стерне.
И с того курган высокий
Будет памятником мне!

СУХАРЬ

Принес в редакцию поэт
Весной подсказанные строчки.
В них было всё — тепло и свет,
И зелень первая, и почки.

Была в них — главное — душа,
Природе гимн и слава жизни,
Все то, чем юность хороша
И чем сильна любовь к Отчизне...

Какой-то сумрачный сухарь
Прочел те строчки.
— Не годится!

Где, скажем, трактор? Инвентарь?
Тут даже слова нет «трудиться».

Нельзя, товарищ, забывать,
Что мы живем в двадцатом веке.
Не травку надо воспевать,
А пыл рабочий в человеке!

Вот — сад. А чай, к примеру, он?
Не частный, думаю, — колхозный.
Влюблен здесь кто-то. Кто влюблен?
Вопрос любви — весьма серьезный.

Быть может, это дон-жуан,
За кем-то просто волочится,
И, между тем, срывает план...
Нет, стих — туманный. Не годится!..

Понятно было: спорить зря.
Пустая выйдет перепалка.
Скорее прочь от сухаря!..
И как ему себя не жалко!

Пора бы судьям всем суровым
По-человечески понять:
Большое дело — добрым словом
Людей при жизни согревать...

* * *

Творцы картин, симфоний, книг ли —
Все эти люди среди нас.
И мы настолько к ним привыкли,
Что мало ценим их подчас.

Заслуги близких не в новинку,
Теплей о предках говорим:
Как счастлив был, кто видел Глинку,
Встречался с Пушкиным, с Толстым.

Вот так, грустя над «Тихим Доном»
Иль шуткам Теркина смеясь,
Не раз со вздохом затаенным
Потомок скажет и про нас:

Мол, были некогда счастливцы,
Кому был другом до конца,
И житель Вешенской станицы,
И автор «Книги про бойца»...

Иной талант неувядаем.
Но, хоть и ясно это нам,
Пока живет — не замечаем,
Скончался — курим фимиам.

Написать стишок — нетрудно,
Рифмой звякнуть — просто.
Мол, безлюдно, тихо, чудно
Ночью возле моста.

Ради речки вспыхнут «свечки» —
Белые березки,
Или выплынут колечки —
Дым от папироски.

Клен в пашне, вёсел взмахи —
Все в стишке сподручно.
Поцелуй, струи, ахи...
До чего, мол, звучно!

Не в укор себе и многим
Говорю об этом.
Мне ли быть судьею строгим
Молодым поэтам.

Говорю по той причине —
С откровеньем смелым. —
Что и я считал доныне
Стих нетрудным делом.

* * *

Пусть написано немало —
Живо или нудно, —
Мне до боли ясно стало:
Как же это трудно!

Рассказать тебе хотелось,
Что в душе творится —
И куда уменье делось!
Стих мой не клеится.

Не клеится! Что ни делай.
Как слова ни ярки —
На листе бумаги белой
Лишь одни помарки.

Рифмы, звонкие когда-то,
Вроде мушек хилых,
Чем душа моя богата —
Передать не в силах.

И молчит живое чувство,
Словно глубь затона...
Настоящее искусство
Далеко от звона.

Познер
Познер

БРАТЬЯ

1.

У Матрены Петровой
Нынче праздник большой:
К ней из города в гости
Сын приехал старшой.

Не пылил сапогами,
Не шагал по тропе —
На своей на машине
Подкатил он к избе!

Черным лаком покрыта,
Так и светится вся,
Остроглазые фары
На прохожих кося...

Вел расспрос у Егора
Николай — младший брат:
— Все в забое?
— В забое.
— Рядовой?
— Как солдат!

В новой форме шахтерской,
С виду — вроде моряк,
Гость дымил папироской,
Отвечал — что и как.

...Любовалась сынами
Хлопотливая мать:
Всем в отца. У обоих
Молодецкая стать.

Ясноглазы и русы,
Встанут в ряд — как один.
Только тот, что безусый,
Тот с «характером» сын —

Своевольный, упрямый,
С неспокойной душой...
В сердце матери старой
Нынче праздник большой.

Наглядеться не может,
Как в былые годы.
На желанного гостя —
На Героя Труда.

А давно ль пеленала,
Умывала его.
Поджидала из школы
У крыльца своего...

Все боялась, что мальчик
Может в жизни пойти
Без отцовского глаза
По плохому пути.

Да явились родная,
Справедливая власть,

Подала ему руку,
Чтоб не мог он упасть,

В люди вывела сына!..
Кем же будет второй?
День и ночь он мечтает:
Дескать, мне бы в забой...

«Вот какой он, Егор-то, —
Думал парень меж тем, —
И звезда, и медали,
А простецкий совсем».

И светилась улыбка
На лице паренька.
Под бровями сверкали
Два живых огонька.

В нем все ярче и ярче
Разгорались мечты,
Словно в дальние дали
Он взглянул с высоты...

2

Пришли соседи. Председатель
Колхоза здешнего — Носков —
С порога крикнул:

— Ну, приятель,
Кажись, кажись!.. Смотри, каков! —

С лицом открытым, загорелым,
Носков был строг, подтянут, прям.
— А я-то думал, грешным делом:
Уж не видать Егора нам.

Дай обниму тебя хоть, что ли... —

Расселись гости, где кто мог.

Приятен свежий запах поля,

Душист махорочный дымок!

Смотрел Егор на всех с любовью —

На земляков, друзей своих.

Спокойной силой и здоровьем,

Как прежде, веяло от них.

На что уж стар Савелий, сторож,

И у того в глазах огонь.

Коль слово взял — не переспоришь,

А под хмельком — тащи гармоны!

Вот и сейчас, с другими вместе

Одетый празднично пришел.

Усы расправив, честь по чести,

«Зубровку» выставил на стол.

Сел — молчаливый и серьезный,

Как будто совершил обряд.

— А кто ж на пост? — кузнец колхозный

Спросил, на водку бросив взгляд.

— Не беспокойтесь. Я старуху

Определил туда с полдня.

Она не то что вора — муху

Убьет со злости на меня. —

Савелий крякнул. Дружным смехом

Ему ответили: А он:

— Толкую ей: «Шахтер приехал!

И у него я быть должен».

Взяла ружье. Патронов пару.

Да говорит: «Не ровен час —

Не вздумай шляться у амбаров,
Бабахну раз — и весь мой сказ!»

Вот... подвернись... Судите сами. —
И снова шутки, смех в ответ.

Весь дом наполнен голосами.

Погас в полях закатный свет...

Хлопочут братья, составляя
Скамейки, стулья, два стола.
Их мать, от радости немая,
В графини пиво разлила.

Подкралась ночь за разговором.
На окнах — блики синевы.

— Ну, как живется там шахтерам?
Дела, успехи каковы?

Звеня, стаканы шли по кругу,
Все громче, жарче разговор.
Про все поведали друг другу
В ту ночь сельчане и шахтер.

...Никто не знал, какою думой
Петров меньшой встревожен был.
Он, безучастный и угрюмый,
О всех, казалось, позабыл.

Сидел, в пустой стакан уставясь,
И лишь порой не то укор,
Не то восторженную зависть
В его глазах ловил Егор.

* * *

...Вставал рассвет молочно-сиз,
Когда соседи разошлись.

Егор с цыгарки пепел сдул,
К братишке свой придинул стул.

Спросил (так сердце подсказало):
— Шахтером, значит, хочешь стать?
— Шахтером, да!

— Ну что ж. Пожалуй,
Мечта характеру под стать.

Мне лишь одно неясно что-то —
Душе и здесь большой простор —
Работа есть везде работа,
Будь ты колхозник, будь шахтер.

Сейчас про всех слагают песни.
Любому слава и почет...
А где трудней, там интересней.
И это надо брать в расчет.

В углу украдкой мать вздохнула.
(«И ты из дома, Николай?»).
Но, пересилив грусть, сказала:
— Колхоз отпустит — поезжай.

Настало в комнате молчанье.
Стучали ходики в тиши.
— Смотри, обдумай все заране, —
Егор заметил, — Не спеши...

3

Проводили Егора.
Осень... Дождик с утра.
Скошен хлеб — и в дорогу
Николаю пора.

180

— Может, там и найдешь ты
В жизни место свое, —
Говорила старушка,
Собирая белье. —

Да равняйся на брата,
Будь поближе к нему.
Он добра тебе хочет,
Учит делу, уму.

Где всердцах и обидит —
Помолчи, не беда.
Он подальше нас видит,
Не на день, на года.

По-партийному, зорко
Он на жизнЬ-то глядит.
Может, рядом с Егоркой
Станешь сам знаменит.

— Ладно, мама...
— Ну, с богом,
Путь счастливый, сынок. —
Перед тем, как покинуть
Свой родимый порог,

Зная русский обычай,
Оказал ему честь:
Не забыл на скамейку
Вместе с матерью сесть.

Закурил. На прощанье
Огляделся вокруг.
И таким ненаглядным
Все представилось вдруг.

181

Так в душе защемило
От всего, что до слез
Было дорого, мило —
Все бы взял и унес!..

4

Распахнулись гулкие просторы.
Вьется-тает дыма полоса.
И бегут назад леса да горы.
Слева, справа — горы да леса!

В тихом, полудремлющем вагоне
Отмеряет версты Николай.
В первый раз, как будто на ладони,
Перед ним — родной кузнецкий край.

По привычке хмурясь, из-под чуба
Неотрывно смотрит он в окно.
Все ему и дорого и любо,
Все кругом величия полно.

То пестрят березовые колки,
То плывут-качаются вдали
Трубами дымящие поселки,
Как в безбрежном море корабли.

Перегон — и снова перемены:
Новый мост повис над ширью вод.
Возле бора — каменные стены.
По всему — здесь строится завод.

...Грохот, лязг — и дымная завеса
Заслонила дальний небосклон:
Вылетев навстречу из-за леса,
Промелькнул товарный эшелон.

А вагон качается, как зыбка,
В хороводе сосен и осин.
Вдруг нежданно робкою улыбкой
В хмуром небе выглянула синь.

И тотчас лучи мигнули косо,
Засветились капли на стекле.
...Не стучат —
поют, поют колеса
На привольной утренней земле!

5

Бор над самой рекой,
Строй деревьев сосновых.
Чуть в сторонке — рудник.
Россыпь домиков новых,

Что за сопки вдали
Поднимаются круто?
И постройка средь них —
Элеватор как будто.

Может, шахта сама?
Может, уголь — те сопки?
С чемоданом в руке
Постоял он на тропке.

И представил на миг:
Уголь мчится лавиной.
И не кто-нибудь — он
Управляет машиной!

А над ним, наверху,
По сверкающей стали
Эшелоны с углем
Разбегаются в дали... ,

Так свой завтрашний день —
Путь далекий без края —
Увидал Николай,
В жизнь иную вступая.

6

Листвой, снежком октябрь сырой
Замел у школы стежку.
С утра веселый снежный рой
Летит, летит к окошку.

Давно ль черемуха цвела,
Звенел родник в овраге.
Опять земля белым-бела,
Как чистый лист бумаги...

И как свой дом не вспомнить тут
Хотя бы на минутку...
На дровни станешь, вскинешь кнут —
И в лес по первопутку.

Сбегутся кедры в тесный круг.
Возьмешь топор. А ну-ка!
Проснется эхо: тюк да тюк.
И снова — тиши. Ни звука...

Когда же в шахту? Что к чему —
Взглянуть одним бы глазом.
Чтоб стало ясно самому,
Не только по рассказам.

Свое желанье Николай
Поведал как-то брату.
А тот:
— Обсудим-ка давай,
Что надо знать солдату.

Вот, скажем, он собрался в бой.
— Ну, пулемет, винтовку,
— А если ты не в бой — в забой?
— Шахтерскую споровку.

— Не все.
— Отбойный молоток!
— А если он откажет?
— Тогда какой-нибудь знаток
Поможет мне, подскажет.

Свой чуб волнистый теребя,
Егор молчал с минуту.
— Выходит, дядя за тебя
Стрелял бы там, в бою-то?

— То молоток, а то ружье...
— А я скажу иное:
Твой молоток — ружье твое.
Когда ты с ним в забое.

Запомни раз и навсегда
Хотя б одно вначале:
Давно прошли те дни, когда
Мы уголь силой брали.

Гордишься ей — коли дрова.
А механизм — загадка.
Нужна тут, Коля, голова,
А не медвежья хватка.

И вот совет мой от души:
Смири горячий норов.
Учись! И в шахту не спеши,
Чтоб не смешить шахтеров. —

А Николай совсем поник.
Сиди, мол, тут без дела.
Ведь там, в колхозе, он привык,
Чтоб все в руках кипело.

Воспоминания свежи,
Толпятся снежным роем...
— Ну, ты хоть шахту покажи.
— А это мы устроим.

7

На рассвете Николая
Поднял брат — он рано встал.
Паренек, в ладонь зевая,
Буркнул:
— Сам бы не проспал...

...Вот и шахта. Двор. Постройки.
В черной копоти забор.
Николай к стволу из мойки
Шел — ни дать, ни взять — шахтер.

Как и брат, в спецовке, в каске,
Не узнать — совсем другой.
Шел, а сам не без опаски
Думал: «Как там — под землей?»

Не заметил, как с толпою
Оказался у ствола.
Чуть отстал... Махнул рукою,
Эх, была, мол, не была!

С сердцем, бьющимся тревожно,
Под людской неясный гул
На пол клети осторожно,
Как на хрупкий лед, шагнул.

Смех и говор. Кто-то басом:
— Из деревни? Молодцом!
А другой:
— Перед Кузбассом
Не ударишь в грязь лицом?

«Лишь не выдать бы испуга», —
Он подумал. Тут как раз
Клеть чуть дрогнула упруго
И, как в пронасть, понеслась.

После радостного вздоха
Понял: не к чему тужить.
«Э, да тут совсем неплохо.
Пообыкнешь — можно жить».

...Вагонеток стук ритмичный.
Лампы-звезды. Топот ног,
И почти земной, обычный
Вездесущий ветерок.

Брат сказал лукаво:
— Колька! —
(Хлопнул парня по плечу)
— Перетрусил, а?
— Николько!
— Хочешь с нами жить?

— Хочу
— Коли так, то будь как дома
И шагай за мной пока.
...Непривычно, незнакомо
Все вокруг для новичка.

Загремев у поворота —
Не поймешь тут ничего! —

Ослепительное что-то.
Надвигалось на него.

Вроде не было мороза —
Стало холодно спине.
Сторонясь электровоза,
Николай прильнул к стене...

Рельсы вдали бегут, сверкая
Под цепочкою огней.
На душе у Николая
Все просторней, все светлей.

Сели в поезд. Отдыхая,
Брат прищурился хитро:
— Как дорожка?
— Неплохая.
— То-то! Прямо как в метро.

...Поезд стал. И ожиленно
Говоря между собой,
Тротуаром от перрона
Зашагали все гурьбой.

Шли с беспечностью такою,
Будто им и невдомек,
Что вверху над головою
Многотонный потолок.

Им-то что! А с непривычки
Так и ждешь: вот-вот обвал.
Хрустнут стойки, словно спички,
И тогда — пиши пропал...

Но звучат под темным сводом
Голоса. Спокоен путь.

Разве с этаким народом
Пропадешь ты где-нибудь!

Просто все. Как утром ранним.
Ни чудес вокруг, ни тайн.
— Ну-ка, — молвил брат, — заглянем.
Как орудует комбайн.

...Здесь уж ахнуть есть причина
В первый раз, со стороны:
Режет мощная машина
Толщу каменной стены.

Будто так, забавы ради,
За рулем — один шахтер,
А другой — немного сзади,
Там, где лента-транспортер,

Грохоча, за камнем камень
Вниз летит. Сплошной поток.
И тотчас же черпаками
Та машина, как руками,
Их бросает на лоток.

Поглядишь — и сердце радо.
До чего ж умна, сильна!
Не пройдет за день бригада,
Что она пройдет одна...

Дальше в лаве — тихо, глухо,
Только капель звон. И вдруг
Робкий звук дошел до слуха.
С давних пор знакомый звук!

Тюк да тюк. Все чаще, чаще,
Будто ждали до поры —

И внезапно где-то в чаще
Застучали топоры.

Стук все ближе. В тусклом свете
В стороне — уступ, другой.

— А теперь, — Егор заметил, —
Завернем и в мой забой.

— Новичок?

И сменщик брата
Подошел. Качнулась тень.
— Прибывают к нам ребята.
Ну, здорово!

— Добрый день!..

Чернолицый и усталый,
Он счастливо руки тер:
— День-то добрый впрямь, пожалуй.
Нормы две я дал, Егор!

— Так, — ответил тот с улыбкой, —
Скоро будешь впереди.

Уморился?

— Нет, не шибко.

— Ну, иди домой. Иди...

Брат спокойно, деловито
Пыль с шахтерки молча сбил.
Как по комнате обжитой,
По забою он ходил.

Наклоняясь, соединяя
Шланг с отбойным молотком,
Думал он про Николая:
«Станет, нет ли горняком?»

Станет! Было бы желанье.
И настойчив, и упрям».

Стоя рядом, в ожиданье,
Тот смотрел по сторонам.

Ощущал, как в сердце смутно
Чувство радости росло.
Здесь по-своему уютно,
Свет от лампочки, тепло.

А когда за глыбой глыба
Уголь вниз помчит рекой,
Скажет всяк тебе спасибо,
Молодец ты, мол, какой!

Черный камешек блестящий
На ладонь большую лег.
Вот он — уголь настоящий.
Наш, кузбасский уголек!

Так же бережно когда-то
Мял он в пальцах чернозем...
Вспомнил дом... Взглянул на брата:
— Ну, начнем, Егор?

— Начнем.

На! Торжественно вручаю, —
И, как верный автомат,
Молоток свой Николаю
Протянул любовно брат.

— Покажи-ка нашу хватку.
Бей смелее. Начинай. —
Осторожно рукоятку
Сжал, волнуясь, Николай.

Промелькнула мысль: «Гляди-ка!
Немудрое ремесло».

Раз! И в пласт вонзилась пика.
Застучало, затрясло.

«Хорошо! Еще немного».
И еще налег на пласт.
А в душе уже тревога:
«Неужели, черт, не сдаст?

Да чего ж тогда я стою!»
И нажав, что было сил,
Пики, бившую пыльцою,
До пружины вглубь вонзил.

— Стоп! — раздался рядом голос. —
Выключай!

И тихо вновь.
«Ни куска не откололось.
Ни куска!» — стучала кровь.

— М-да. Одной горячей вспышки
Мало. Дай-ка покажу. —
Поглядел в глаза братишке:
— Бей вот так, по кливажку.

Что-то высмотрел. И ровно
Вновь зацокал молоток.
...Глохно грохнулся на бревна
Черный угольный кусок.

С непокрытой головою,
(Отдыхаться, кстати, рад),
Николай смотрел с тоскою,
Как работал старший брат.

Забывая неудачу,
Он смотрел, смотрел,

Точно главную задачу
В жизни всей решить хотел...

На-гора поднявшись, братья
В предвечерней шли тиши.
— Кое-что сумел понять я?
— Да. Но в шахту не спешни.
— Почему?

— А очень просто.
Мало практики одной.
Без учёбы нету роста.
К ней нельзя вставать спиной.

Коль отстанешь — будет поздно.
Век живи — и век учись.
...Было ясно и морозно,
Дым из труб струился ввысь.

Серебрился бор. И солнце,
Завершая краткий путь,
В каждый дом, во все оконца
Норовило заглянуть.

Весь в сияньи снежной пены,
Как хорош он, мир земной,
После первой пробной смены
В темных недрах, под землей!

На сугроб, как на перину,
Так и хочется прилечь,
Отдохнуть, расправить спину,
Будто тяжесть сбросить с плеч...

В библиотеке, в светлом зале
Шахтеры книги выбирали.

Подумать можно — здесь у полок,
Где книг — во век не перечтешь,
Собрался нынче весь поселок —
И старики, и молодежь.
От самой двери полуокругом
Стоят, беседуют друг с другом.

И так отрадно Николаю,
Что все знакомы. Свой народ.
Один приветливо кивает,
Другой подходит, руку жмет.

Вот этот рос на Украине,
А лучший друг Петрова ныне.
Иван Мовчан — зовут парнишку.
Спокойный увалень. Добряк.

— Микола, бач, якую книжку
Я взял.

— Какую?
— «Сталь и шлак».

Читали хлопцы — хвалят дюже.

Здесь гарных книг богато, друже...
Ушел Мовчан.

Петров с досадой
Подумал: «Мало я читал».
Что попросить, что выбрать надо,
Придя сюда, он сам не знал.

Уже и очередь подходит...
Он с книжных полок глаз не сводит.
Найти бы что-нибудь заране...
Читает: «Шолохов», «Манас»,
«Поэмы», «Полное собранье»...

— Ваш номер?

— Мой? Я в первый раз.
— Так разрешите паспорт.

— Можно.

А сердце замерло тревожно:
Увидел он перед собой ~~—~~ **—** **—**
Глаза — два синих василька —
И в них сияние такое,
Что не забыть, наверняка.

Открытым этим удивленный,
Краснея, словно от стыда,
Он паспорт в корочке зеленой
Ей протянул.

— Шахтер вы?

— Да!
— Ах, вон вы кто!.. О вас немало
От брата вашего слыхала.

— А что? — Петров насторожился
(Что мог сказать Егор о нем).
Смеется девушка:

— Хвалился...
Да... Называл богатырем!
Досадно стало Николаю:
«Сказал, как уголь я рубаю».

— Не отвлекай, товарищ, Зою!
Ишь, разлюбезничался как! —
Беззлобно молвил за спину
Какой-то пожилой горняк.

А Николай спросил поспешно:
— Почаще можно к вам? —

— Конечно!

10.

Был соседом у Егора

Ветеран-шахтер.

И любил того шахтера,

Как отца, Егор.

Горняком почти полвека

Проработал он.

Уголька старик из штрека

Выдал много тонн.

Все подземные дороги

С другом-обушком,

Молчаливый, хмурый, строгий,

Исходил пешком.

С молотком отбойным всяко

Он мудрил потом.

Все ворчал: — Трясет, чертяка!..

Но решил на том:

— Мне инструмент ваш, ребята,

Шибко по нутру.

Я и с ним еще как надо

Многим нос утру.

И утер бы, может статься.

Подвели года...

Не хотел — пришлось расстаться

С шахтой навсегда...

Жить бы так пенсионеру —

Без хлопот-забот,

Но лишь утро — и по скверу

К шахте он идет.

Отряхнет с усов снежинки,
Сядет в стороне.

— Что, небось, уже поминки
Справили по мне?

Окружат его ребята,
Молодой народ.

— Помирать вам рановато. —
Скажут в свой черед.

* * *

Седой, сутоловатый,
Он входит в светлый класс.
И вновь перед ним ребята
Сидят. Не сводят глаз.

Народ все деревенский,
С полей — почти вчера,
Кто курский, кто смоленский,
Кто с Волги, кто с Днепра.

Следов их нет в помине
На стежках полевых.
В шахтерских куртках ныне
Не различите их.

Они, коль приглядеться —
Герои новых книг.
...А ты батрачил с детства,
Ты прожил жизнь, старик.

Что ж, плохо, хорошо ли —
Трудился ты с душой.
Как мастеру, и в школе
Тебе почет большой.

...На стенах — слева, справа —
Плакаты, чертежи.
Где штрек какой, где лава,
Про все им расскажи.

11.

Шахтером стать готовясь,
Петров обжился здесь.
Он, как в живую повесть,
Ушел в учебу весь.

Ему сегодня диво:
Как мог, живя в селе,
Одни леса да нивы
Он видеть на земле.

Из'ездил на машинах,
Плугами испахал,
А что в ее глубинах,
Подальше нор мышиных —
Не думал, не гадал.

А под землею клады!
Там жизнь кипит ключом!
Пусть ливни, снегопады —
Там целые бригады
Идут к плечу плечом.

Укроет сумрак нивы,
Затихнет все кругом —
А там грохочут взрывы!
А там светло, как днем!

Всегда — зимой и летом,
Закат или восход —

В подземном царстве этом
Как будто бой идет.

Всегда на изготовке
Машина, бур, топор.
Там человек в спецовке
Работает. Шахтер.

По всем краям далеким
От тех шахтерских рук
Живых лучей потоки
Расходятся вокруг!

На стройку, в поле, к домне
Бегут лучи, бегут!
И где б ты ни был — помни
Подземный славный труд.

Ты в дом вошел с мороза
Присел у камелька;
Ты в топку паровоза
Подбросил уголька...

И там, в Кремле далеком —
Лишь лампочку включи —
Всю ночь глядят из окон
Твои, шахтер, лучи!

...Душою беспокойной
Петров во все вникал.
Он молоток отбойный
Раз десять разбирал.

Хоть завтра пусть экзамен:
Не заглянув в тетрадь,
С закрытыми глазами
Все части мог собрать...

Свиваются дыма волокна.
Мерцает в руке огонек.
Рассвет в посиневшие окна
Пробился и лег на порог.

Сегодня же первая смена!
Удачной ли будет она?
...Как будто раздвинулись стены
И всюду ликует весна.

Где были недавно сугробы —
Как будто ручей зазвенел...
Закончилось время учебы.
И столько нахлынуло дел!

«Сверло, молоток лишь освоен.
Пока я — забойщик. А там...
За то, что попозже — спокоен.
А нынче? Вдруг норму не дам?

Ну, если случится загвоздка,
Ребята мне могут помочь...»
Погасла в руке папироска.
Кончается долгая ночь.

И было бы радостней вдвое
Начать трудовые дела,
Когда бы негаданно Зоя
Сейчас в общежитье вошла!

13

Сбылось желанье Николая:
Ему доверили забой!
.. Вот, крепость кровли проверяя,
Он постучал по ней кайлом.

Ведь мастер их учил недаром —
Порою, прочная на вид,
Та кровля гулко под ударом,
Как выражался он, «бунит».

А это значит — чуть провисла
И может рухнуть.

Но сейчас
Бояться, вроде, нету смысла.
Удар звенящий. В самый раз.

Шурша брезентовой шахтеркой,
К груди забоя подошел.
«Так. А теперь займусь разборкой».

И вдруг:

— Ну, как дела, орел?

(Егор! Заботится, как видно.
Пойду, взгляну, мол, как он тут?)
Ответил, кашлянув солидно:

— Да ничего... Дела идут.

Брат усмехнулся: «Ох и важен!
Поговорю-ка с ним всерьез».
— А сколько думаешь ты скважин
Здесь пробурить?

— Что за вопрос!

— Нет, ты ответь!

— Сейчас, прикину, —
Сказал спокойно Николай.

«Здесь... по углам... сюда, в средину...»

— Двенадцать! Как тут ни считай.

— Так много? Это почему же?

— А чтобы лучше был уход.

И меньше можно — только хуже:
Угли немножко оторвет.

— Тогда бы делал два десятка.

— Ну, это явный уж просчет.

Оно ж не что-нибудь — взрывчатка!
Вмиг все хозяйство разнесет.

— Ответил ты, как по тетрадке,
Учел все, значит, наперед.

А с инструментом как?

— В порядке.

Мой инструмент не подведет...

...Ни сил, ни времени не жалко,
Когда в работу весь уйдешь.
И началось! Гремит отпалка,
Подземный мир бросая в дрожь.

Качнулся воздух. Волны гула
Прошли и замерли вдали.
Как будто порохом пахнуло
Средь прочной сырости земли.

Лишь вентилятор струйки дыма
Унес невидимым путем —
И сила взрыва стала зрима:
Забой завален был углем.

И вот звенят уже лопаты —
Всех окрылил горячий труд.
Спешат поставить крепь ребята.
И вагонетки к ним бегут.

Шуршит, течет по штреку уголь.
Течет, и путь его далек!

Мовчан под бок толкает друга:
— Пишол! Пишол наш уголек!

«Вот так же рад я был когда-то, —
С восторгом думал Николай, —
Когда в район на элеватор
Мы отправляли урожай.

И все ж не так все это было.
Хоть цель одна, да труд — не тот.
Нет, никакая ныне сила
Меня отсюда не вернет!»

Здесь все — и лампочек мерцанье,
И гром, и скрежет — как в бою.
Здесь он нашел свое призванье,
Свою любовь, судьбу свою!

14

Знала б Зоя, как сегодня
Там, в забое, вырос он!
Даже дышится свободней,
Даже сон теперь не в сон.

Поделиться б этим счастьем
И открыть свои мечты.
С нескрываемым участьем
Смотрят звезды с высоты...

* * *

Шел Николай, шел, как хмельной,
По тихой улице ночной.
И вдруг припомнился опять
Далекий дом... Старушка-мать...

Дул ветерок. И звездный рой,
Застыв, мерцал над головой.

А для него одна родная —
На шахте звездочка земная.
Как он хотел бы, чтоб она
В родном селе была видна!

15

И вот уже, ясным-ясна,
Над рудником звенит весна...
Под животворным солнца душем
Идет Петров. А день высок!
А рядом прыгает по лужам
Слепящий солнечный клубок.

Вдали — дымок. Еще мгновенье —
Вблизи красавец-паровоз,
Как вихрь, в стремительном движеньи,
В ритмичной музике колес.

Тяжелый груз подняв на плечи,
Грохочет угольный состав.
Сама весна ему навстречу
Несется, рельсы распластав.

Гляди, гордись! Ты нынче вправе
Сказать, что Родине помог,
Ведь в том грохочущем составе
И твой сверкает уголек.

Пусть он теплом зовет и манит
В далеком городе, в селе.
Пусть от него светлее станет
На нашей солнечной земле!

Иных наград тебе, признаться,
Не надо. Только лишь одно:

204

Вот если б Зое догадаться —
Хотя бы выглянуть в окно...

16

...До того это ново,
Так вот — с глазу на глаз,
Что и нужного слова
Не находит сейчас.

Да и девушка тоже
Сразу стала другой:
Смотрит пристальней, строже.
Дескать, вот ты какой!

В полной форме парадной
Он стоял перед ней —
Очень статный и ладный,
Всех знакомых видней.

— Погуляем немножко?
— Можно, — Зоя в ответ.
За оградой в окошко
Лился розовый свет.

Вот скользнул он по крыше
И померк без следа.
А на провод, повыше,
Примостилась звезда...

В эти вешние дали
Шел бы, шел без конца.
Только в лад бы звучали
И шаги, и сердца.

Только б милой дыханье
Ощущать на щеке

205

И не знать расставанья
Ни в каком далеке.

Так и шли... А в сторонке,
В чуткой лунной тиши,
Голос чистый и звонкий
Выводил от души:

«Ой, цветет калина
В поле, у ручья,
Парня молодого
Полюбила я.

Парня полюбила
На свою беду,
Не могу открыться:
Слова не найду».

Шли и слушали вместе.
Даже вечер притих.
Очень славная песня!
И как будто... про них...

Словно белые чайки,
Плыли вдаль облака.
Их веселые стайки
Чуть качала река.

Плеск и свежесть — навстречу,
Шум невидимых крыл...
Молча девичьи плечи
Теплой курткой накрыл.

Там, где летом ромашки,
Где шумит краснотал,
В белоснежной рубашке
Над рекою он встал.

Сбоку Зоя прижалась.
Хорошо им. Одни...
В целом мире, казалось,
Никого. Лишь они.

И как в песне поется —
За рекой, за горой
Скоро зорька зажмется
Золотистой каймой.

Ветер ночи дремоту
Унесет на восток.
Позовет на работу
Басовитый гудок...

— Зоя! Это такое...
Это... вроде огня!
Ты признайся мне, Зоя,
Любишь, нет ли меня?

Улыбнулась лукаво:
— Эх, какой ты чудной!
Разве ради забавы
Я встречаюсь с тобой... —

И опять замолчала.
Руки сжав на груди...
Это только начало!
Все еще впереди!

17

...Облака на востоке
Загорелись вдали.
Пусть же в комнату входит
Утро вешней земли!

Постоял он минуту
И окно распахнул.
Улыбнулся чему-то,
Опустился на стул.

Сердце радостно билось.
Пело! Словно оно
Тоже настежь открылось,
Как большое окно...

В птичьем щебете, гаме
Просыпался рудник.
Громыхая бортами,
Пробежал грузовик.

Солнце в ярком накале
Жгло каемку реки.
Не спеша прошагали
За окном горняки.

Лошадь была копытом.
Ставней стукнул сосед.
Все он сердцем открытым
Принимал, как привет.

А пред мысленным взором,
Как за мутным стеклом —
Дом с тесовым забором,
Тополя над прудом.

Серебристые прядки...
Нежность выцветших глаз...
Все ли дома в порядке?
Там ведь сеют как раз.

...Листик вспыхнул на ветке,
И услышал Петров,

Как стучат вагонетки,
В стороне, у копров.

Слава здешнего края
Все бодрила с утра:
Бункера наполняя,
Уголь шел на-гора!

Желанный гость в любой квартире,
Лишь письмоносец на порог —
Как будто сразу станет шире
Уютный комнатный мирок.

Кто б знал, как рада мать седая,
Когда зайдет он в избу к ней
И улыбнется, подавая
Конверт с письмом от сыновей.

...Опять сегодня утром синим,
Всем расстояньям вопреки,
Она то с тем, то с этим сыном
Вслух говорит, надев очки.

«День добрый, мама!

Сообщаю
(Матрена вся настороже) —
Большой успех у Николая:
Он впереди других уже.

Идет на лад его работа.
Вчера сказал мне: дескать, верь,
Что не сотрут с Доски почета
Мою фамилию теперь».

Скатилась светлая слезинка
Из-под сухих — в морщинах — век.

Сынок... Родимая кровинка...
И ты — почетный человек!
Добился, значит, мой упрямый.
Дай бог тебе здоровья, сил...
«Всем расскажи об этом, мама»,
В конце письма Егор просил.

И сколько рук потом держало
Листы, исписанные им!..
Савелий крякнул, как бывало,
И заключил: — На том стоим!

Мы и врагам умеем всыпать,
И потрудиться. Знает всяк.
А за братов не грех бы выпить.
Ведь наши парни, как никак... —
Носков — он тут же был, в конторе —
Расхохотался:
— Ну и плут!
Найти бы повод — радость, горе —
Наш дед со стопкой тут как тут.
Я так, товарищи, считаю:
Пусть выпьет дед один пока.
А мы напишем Николаю
Письмо. Поздравим паренька.

Не забывать о нас попросим.
Растет, мол, твой колхоз родной.
Глядишь — заявится под осень
Героем знатным, со звездой.

Недаром рвался он к Егору.
Дорога, знать, у них одна.
Теперь пойдет наш Коля в гору... —

А за окном — простор, весна...

Раскинув синее раздолье,
Весна звала: твори, дерзай!
Подземным гулом, песней в поле
Встречал зарю кузнецкий край.

ФЕКЛА НИЛОВНА

Есть средь сибирских деревень
Камышенка. Слыхали?
Недаром ей в далекий день
Названье это дали.

На юг, на север поглядишь —
Кругом одно и то же:
Камыш, камыш, сплошной камыш,
Бездорожье...

Но глуши любая нипочем,
Коль человек явился,
Срубил избу — добротный дом,
Освоился, прижился.

Так, незаметно, шли года.
Был дом — деревня стала.
И вот — мечтал ли кто когда! —
О ней Сибирь узнала...

В те дни, с которых буду я
Вести повествованье,
Жила в Камышенке семья
Достойная вниманья.

В ней было столько человек,
По тем годам — излишек,
Что не хватило б двух телег
Для всех Марусек, Мишек.

«Безло» Скворцовым. Что ни год —
Хозяин беспокойней:
Жена то сына принесет,
То встретит сразу двойней...

А в жизни полный кавардак.
Колчак грозит проклятый.
В одной деревне — красный флаг,
В соседней — полосатый.

Здесь власть уже в руках крестьяни,
А там — другие планы.
Созвал друзей Скворцов Иван.
— Пойдемте в партизаны!

Дадим по шее белякам.
Иначе — суд их краток —
Нагрянут сами ночью к нам,
Побьют, как куропаток... —

В затылке некогда чесать.
Иван толкает дело!
Пора свой край в бою спасать,
Отсидка надоела.

Два дня готовили подряд
Коней и снаряженье,
На третий — в лес ушел отряд
И вскоре дал сраженье.

* * *

Давно ль мужские голоса
Гудели басовито:

— Труба нам нонче без овса...
— Да... погорело жито... —

А что в Камышенке теперь?
Телок проскачет лихо,
Всплакнет ребенок, скрипнет дверь —
И вновь тоскливо, тихо.

Не мил без мужа дом родной.
Однако, слава богу,
Война обходит стороной,
Забыла к ним дорогу.

Присядет женщина к столу —
Ладонь у подбородка —
И долго смотрит в ночь, во мглу
Задумчиво и кротко.

Один прохожий, говорят,
Рассказывал недавно,
Мол, стал Камышенский отряд
Почти что самым главным.

Мол, колчаковский генерал,
Из самых образцовых,
В одних кальсонах удирал
От нашего Скворцова.

Где склад горит, где поезда
Взрываются неожиданно,
Где бой, засада — там всегда
Скворцова партизаны!

Кто знает, правда или нет,
Верны ли эти слухи...
— Ох, помутился белый свет, —
Печалились старухи...

Однажды августовским днем,
От знойной дымки блеклым,
За речкой где-то ухнул гром,
Да так, что дрожь по окнам!

Живой сигнал военных гроз
Здесь слышали впервые.
В глазах у всех немой вопрос:
Свой или чужие? —

Кто б ни был там — скорей во двор!
Гремят крючки-железки.
Скорей ворота на запор,
Плотнее — занавески!..

Как раз напротив, где жила
С детьми жена Скворцова,
Был новый дом, второй с угла,
Игрушка, право слово!

Созданье сильных, умных рук,
Других просторней, выше,
Смотрел он весело на юг
Из-под тесовой крыши.

Как все, Гречушкин Михаил,
Хозяин той игрушки,
Сейчас был там, где нужен был —
Где грохотали пушки.

Бот и хозяйке молодой
Спокойно не сидится.
Глядите, вышла за водой,
Нисколько не боится.

Послушав, что там вдалеке,
Румяная, босая,

Свернула за угол, к реке,
Чуть ведрами качая.

— Вернись! — раздался чей-то крик.
С улыбкой обернулась.
Мол, ничего. И в этот миг
За балкой пыль взметнулась...

Плескалась в ведрах синь небес.
А гости верховые
Уже неслись наперевез,
Вгляделась... Ой, чужие!..

Усатый дядя впереди.
Наган, погоны, шашка...
Ремни — кресть на крест на груди...
Высокая фуражка...

Конем как будто невзначай
Толкнул. Спросил сурово:
— А ну, молодка, отвечай,
Где тут изба Скворцова? —

Едва ль заметил офицер —
Бродила в жилах водка, —
Как изменилась вдруг в лице
Красивая молодка.

«Хотят расправу учинить», —
Догадка промелькнула.
Как это горе отстранить?
Куда направить дула?

Усатый дергает коня.
Глаза — под стать булавкам...
«Там детвора... А у меня
Не семеро по лавкам...»

А Михаил? Что ж Михаил.
Да разве он осудит?
И вроде больше стало сил,
Решила — будь, что будет!

Сама душа, сама судьба
Ей выход подсказала.
Сказала:

— Вон его изба. —
И дом свой показала.

Команду подал офицер...
И к ней: — Как звать-то?

Фекла...
Лишь замер топот на крыльце,
Дзинь! — вдребезги все стекла.

Сверкая зубом золотым,
Усатый млел над тыном:
— Так поступаем мы с любым
Гнездом... ик...ик... осинным... —

Он мог бы, будь трезвой чуть-чуть,
Сmekнуть — нечисто дело:
Схватилась женщина за грудь,
Как стенка, побледнела.

Под сердцем первенца она
Три месяца носила.
И мысль зловещая одна
Ее сейчас пронзила:

Вдруг, разгромив ее жилье.
Он спросит о хозяйке?
Не зная хитрости ее,
Все скажут без утайки.

Тогда конец... известный суд —
Штыком проткнуть, повесить...
Ну что ж. Две жизни пусть берут.
Две! А могли бы — десять...

Хитри и дальше, да умней,
Гречушкина Феклуша!..
Усатый вновь с улыбкой к ней:
— Одна живешь, без мужа?

Небось, соскучилась... Ха-ха!
Ишь, сдбная какая... —
— А вы б нацли мне жениха.
И впрымь, живу одна я! —

Тот улыбается: напал
На добрую бабенку!..
Слез. Лошадь к тыну привязал.
— Кхм... Отойдем в сторонку...

Брось ведра! Дай-ка помогу.
Сюда вот... в палисадник... —
Вдруг поднял руку к козырьку?..
— Постой-ка. Что за всадник?..

Солдат с пакетом подскакал
И вытер пот в истоме...
— Кончай! — усатый заорал
Хозяйничавшим в доме.

Проворно прыгнул на коня.
— Я к вам еще приеду... —
Мигнул Феклуш: «Жди меня —
Продолжим, мол, беседу».

С усмешкой бровью повела
(Дом подожгли злодеи!)

— У вас, я вижу, есть дела
Гораздо поважнее... —

И заклубилась снова пыль
В другом конце селенья...
Была сегодняшняя быль
Как страшное виденье.

Взрыв... суматоха... общий страх...
Отвод беды обманом,
Игрой — от смерти в двух шагах —
С бандитом полупьяным.

Жених! Семь бед — один ответ...
Не знал ты о невесте:
Не привези солдат пакет —
Убила бы на месте...

Прошла б игриво, на виду,
В потемки сеновала,
А там, как мууху на меду,
Навек бы приласкала...

Сбежали. Скрылись без помех.
Ни дна им, ни покрышки!..
Трещало пламя... Раньше всех
Опомнились мальчишки.

Как воробыи, из-за оград
Повысыпали с криком:
— Пожар! Гречушкины горят!
— А дыму-то! Смотри-ка!

И в самом деле, дом пыпал
С какой-то злобой дикой.
Сбегались люди — стар и мал
С ведром — а подойди-ка!

Приковылял столетний дед.
Рукой махнул с досадой:
— Сгорит. Спасти надежи нет.
Спасать соседей надо.

Ворота рушьте. Лейте здесь.
Ну жарит! Эко диво... —
Есть командир — порядок есть.
Взялись за дело живо...

* * *

Какая радость, боже мой:
Негаданно-нежданно
Пришли в Камышенку, домой,
Родные партизаны.

...Обросший, хмурый, Михаил
Стоял над пепелищем.
— И здесь каратель, значит, был...
Что ж, и его разыщем!

Дождется встряски он, буржуй,
И пули в лоб впридачу...
Не плачь, Феклуша. Не горюй.
— Да я совсем не плачу. —

Вздохнув, поведала ему,
Как было, все сначала...
— Теперь ты знаешь, почему
Жилья у нас не стало.

— Э, вот в чем дело. Молодцом!
Рисково, но толково!
Гречушкин с радостным лицом
Нашел в толпе Скворцова.

— Ты не слыхал, Иван Кузьмич?
Пожар-то неспроста ведь!
С тебя положен магарыч.
Придется, братец, ставить.

Скворцов, в тужурке, весь в ремнях,
Попыхивая трубкой,
Шагнул с дочуркой на руках,
Глазастенькой и хрупкой.

И взгляд, каким поверх голов
Окинул он Феклушу,
Сказал ей все без лишних слов,
Запал глубоко в душу.

Никто вокруг понять не мог,
С чего вдруг при народе
Скворцов к себе ее привлек,
Расчувствовался вроде...

* * *

Чтоб не остался мой рассказ
В загадках — в темных пятнах, —
Скажу: Гречушкины сейчас —
Семья шахтеров знатных.

Большая жизнь вошла в права.
Смела былую горечь...
И Фекла Ниловна жива,
И Михаил Егорыч.

Коль двух телег, на чей-то взгляд,
Скворцовым не хватало,
То для Гречушкиных орлят,
Небось, трехтонки мало.

На днях читали мы Указ
(Все в жизни мудро ныне!):
Медаль у Ниловны сейчас
И звание Героини.

Гостей сошлось на торжество --
Со всех краев, похоже!
Детсад у сына одного
И у другого — тоже!

Была родня Скворцовых здесь.
Их всех — больших и малых --
Теперь нельзя уже и счастье.
И вряд ли кто считал их.

А вывод мой в конце таков,
Скажу не ради шутки:
Чтоб крепкий род сибиряков
Да вдруг иссякнул? Дудки!..

Пусть нет красот в словах простых
Про дальние события, —
Вам, Фекла Ниловна, свой стих
Хотел бы посвятить я.

Пускай не меркнет, став строкой,
Живет в душе народной
Ваш образ, сердцу дорогой,
Ваш подвиг благородный...

У НАС В ПОСЕЛКЕ

(Из лирической поэмы)

Живут у нас в поселке
Два друга паренька.
На шахте новичками
Считают их пока.

Считают, а напрасно:
Три месяца подряд
На самом видном месте
Портреты их висят.

Иметь бы в каждом деле
Таких вот новичков! —
Дай срок, заткнут за пояс
Бывалых горняков.

И нету в этом чуда,
Один простой секрет:
Ребята молодые,
Всего по двадцать лет!

Да только ли в работе
Удача молодым?
Небось, девчата вскоре
Начнут вздыхать по ним...

Давайте в клуб шахтерский
Попутно завернем —
Мы всех, кого нам надо,
Сегодня здесь найдем.

Как жалко, что попали
На шапочный разбор!
Уже баян выводит
Знакомый перебор.

Вон лектор с толстой папкой
К дверям спешит бочком —
Райкомовский товарищ,
Он каждому знаком.

Давайте к баянисту
Подсядем. Так верней.
Вот «новенький», тот самый,
Один из тех парней.

А сколько тут, смотрите.
Поклонниц у него!
Мол, славно ты играешь,
И сам ты ничего...

Но что-то, знать, сегодня
Не в духе наш Степан.
О чем-то неизвестном
Грустит его баян.

— Сыграй нам польку, Степа!
Платочек подарю!..
— Включите радиолу,
Пока я покурю. —

Сердито чиркнул спичкой
И замер, глядя в пол.

Как будто не на танцы,
А к поезду пришел.

Неладно со Степаном!
Пожалуй, в первый раз
На шумное веселье
Поднять не хочет глаз...

Давно ли он со всеми
Смеялся и шутил,
Забавно, по-актерски,
Незримый ус крутил?

Тряхнет, бывало, чубом.
Плечами поведет,
Кому-то улыбнется,
Кому-то подмигнет,

И так рванет тугие
Зеленые меха —
Ей-богу, раскачет
Любого старика!..

Окурок смял. Поднялся
Неловко, как на льду.
— Пускай под радиолу
Танцуют... Я пойду. —

Идет, сутуля плечи...
А сбоку, позади,
Кричат ему девчата:
— Степан, не уходи!

Но вот и дверь закрылась.
Он вышел на крыльцо.
Смолистым ароматом
Повеяло в лицо.

На парочку в сторонке
Взглянул Степан, и вдруг
Померкли, потемнели
Все лампочки вокруг

— Степан! Одну минутку.
Есть спички? Выручай. —
Подходит друг-приятель,
Забойщик Николай, —

Румяный, белокурый,
Подвыпивший слегка,
С гвоздикой белоснежной
В петлице пиджака.

Поэзии любитель,
Он может сто стихов
По памяти читать вам
До самых петухов.

Нашелся бы охотник,
Любого уморит
Познаньями своими
О том, кто как творит.

На эти разговоры
Он так неутомим,
Что девушка иная
Не рада встрече с ним...

— Ты что? — спросил со смехом, —
Дай спички, говорю!
А он сует мне «Север»...
Ну, вот... Благодарю.
И к девушке вернулся.
Степан — как в землю врос.

Рассеянно смотрел он
На пачку папирос...
Затем привычным жестом
Засунул их в карман,
Тряхнул беспечно чубом
И вскинул свой баян:

Мол, счастливо оставаться!
Нас вы не тревожите.
До рассвета целоваться,
Миловаться можете.

Мы дойдем своей дорогой,
Тропкой неприметною,
Со своей мечтой-тревогой,
С музыкой заветною...

Пальцы бегают проворно,
Плечи не сутулятся...
«Эх, подгорна, ты, подгорна,
Широкая улица!..»

А улица в поселке —
Не видно ей конца...
Притихли молчаливо
Те двое, у крыльца,

Вдруг девушка спросила,
Степану глядя вслед:
— Давно его ты знаешь?
— Давненько. С малых лет.
А что?

— Да так я, просто....
Какой-то он чудной!
Едва меня завидит —
Обходит стороной.

— По-моему, боится,
Что влюбится в тебя... —
Задумалась Наташа,
Косынку теребя...

Потом опять с вопросом,
Прищурясь в полутьму:
— А ты не знаешь, Коля,
Кто нравится ему? —

И, словно спохватившись,
Добавила тотчас:
— Немало ведь хороших
Есть девушек у нас... —

В душе у Николая —
Обиды горькой ком.
— Быть может, потолкуем
О чем-нибудь другом? —

Наташа рассмеялась.
— Уже приревновал!
Скажи, какой Отелло...
Ну, что ты замолчал? —

Мужское сердце слабо,
Чего греха таить!
За нежную улыбку
Готово все простить.

Одно прикосновенье,
Один приветный взгляд —
И снова счастлив парень,
Как пять минут назад.

— Вчера я стих составил, —
Промолвил Николай,

Наташа оживилась:
— А ну-ка, прочитай! —

Недавнюю обиду
Совсем забыть успев,
Читал он, как поэты, —
Немного нараспев.

Стихи, признаешься, были
Шершавы, как метла,
Но девушка ни разу
Его не прервала.

Лишь там, где с медным тазом
Он сравнивал луну,
Она, как строгий критик,
Сказала: «Ну и ну!»

Умолк и ждал смущенно:
Сейчас начнет ругать.
— А Степа все играет... —
Услышал он опять.

Такого поворота
Не вынес Николай.
— Чего тебе он дался!
Беги к нему! Ступай! —

Ступай... Да разве это
Хотел сказать он ей?
Но слово не поймаешь,
Оно — не воробей.

— Прости, погорячился, —
Взмолился Николай.
Но девушка сквозь слезы:
— Не тронь меня!.. Прощай!

— Куда же ты, Наташа?!

Наташенька! Постой! —

...Один остался парень

На улице пустой.

Как тихо, мрачно стало...

И где-то в тишине

Звучал напев баяна

В заречной стороне.

* * *

Любой из нас, конечно,

Встречал в пути грозу —

Кто в уличной шумихе,

Кто в поле, на возу...

Безветренно, спокойно.

Палит нещадно зной.

Два облачка на небе

Сияют белизной.

Глядишь, наплыли тучи,

Откуда ни возьмись,

Вот молния шальная

Стрелой пронзила высь.

Вот страшный треск раздался

Над самой головой,

И сразу дождь ударил —

Тяжелый, проливной...

Любовь приходит так же

Внезапно, как гроза:

Как молния, осветят

Нас чьи-нибудь глаза,

230

Спохватимся, да поздно —

Уж грянул в сердце гром:

И ливнем благодатным

Кипит волненье в нем...

Не ждал Степан, не думал,

Что в шахте, у клети

Какая-то девчонка

Возникнет на пути,

Что ласковой улыбкой

Согреет, а сама

К другому повернется.

Сходи теперь с ума!..

Когда кого-то любишь

И знаешь, что любим. —

Ты всех сильней на свете.

Ни в чем непобедим!

Но где же взяться силам

Коль сам себе не рад?..

На днях портрет Степана

С Доски почета снят...

Уехать от позора!

Махнуть на все рукой!

Ни шахте, ни девчонке

Не нужен он такой.

В те дни не замечала,

Как был ему почет.

А чем ее вниманье

Сейчас он привлечет?

Уехать с глаз подальше!

Куда? Куда-нибудь...

Медолго холостому
Собраться, выбрать путь.

На рынке потолкался,
Распродал все Степан;
Единственную радость
Оставил он — баян.

Хоть сам не знал, в какую
Податься сторону,
Придумал повод веский:
«Решил на целину»...

Расчетный лист — в кармане.
Под вечер — на вокзал...
Впервые Николаю
Ни слова не сказал.

А тот, узнав случайно,
На миг остыл, —
Как был в шахтерке, в каске,
Он в комнату влетел.

— Степан, так это верно?
В своем ли ты уме?
— Допустим, так. А что же
Прикажешь делать мне?

С работой неполадки,
Насмарку все пошло.
И вообще, я вижу,
Мне здесь не повезло...

— Подтянешься, я знаю!
Я первый помогу.
Ведь то ли дело — вместе!
Останься!

— Не могу...
Степан сидел угрюмый,
В окно глаза скосив,
Наигрывая тихо
Излюбленный мотив.

— Так... — Николай в раздумье.
Прошел к столу, присел.
Зачем-то огляделся,
Снял каску, вновь надел,
Графин к себе подвинул,
Налил воды в стакан
И жадно, залпом выпил.
— Останься! Слыши, Степан?

Ни разу не бывало
Раздора меж друзей.
Молчали, как чужие,
Всяк с думою своей.

— Н-да...
Николай поднялся, —
— Какой же ты чудак...
Конец, выходит, дружбе?
— Ну, что ж. Выходит, так —

Хотел Степан открыться, —
Раздумал. Для чего?..
Несчастье — за несчастьем:
Был друг — и нет его...

* * *

Прощай, сторонка славная, —
Копры да терриконики!

Прощай, родная улица, —
Цветы на подоконнике!

Прощай, семья шахтерская. —
Простые люди, стойкие,
И вы, ребята бравые,
И вы, девчата бойкие!

Прощай и ты, Наташенька,
Коварная насмешница!
Едва ли нам когда-нибудь...
Еще придется встретиться...

Быть может, выйдет, сжалится,
Услышит грусть-тоску мою...
«Она о нем печалится,
А я о ней все думаю»...

Не только, видно, в книгах
Бывают чудеса:
Мелькнула за калиткой
Наташина коса.

Ведь вот народец вредный!
Куда еще вредней! —
Узнала — скрылась в доме...
Скрывайтесь! Вам видней.

Степан прибавил ходу,
Минуя дом и сад.
Спешил, но с каждым шагом
Душа рвалась назад.

Какой знакомый голос! —
Наташа за спиной:
— Далеко ли собрался?
Не по пути со мной? —

Как будто кучер крикнул:
«С дороги! Берегись!»,
Так парень растерялся,
Что ноги отнялись.

Застыл, моргая часто,
Не зная, что сказать.
Решил ответить шуткой:
— Отсюда не видать.

А по пути ли с вами —
Смотря куда идти...
Коль с кем-то на свиданье,
Тогда не по пути. —

По тону, вроде шутит,
А взгляд... печальный взгляд.
— Нет, правда, вы далеко?
— Куда глаза глядят...

Уже дома все реже,
Вблизи простор полей...
Смешно глядеть на робких,
Застенчивых парней!

Смешно, когда вы сами
Семейные давно,
А каково герою?
Ему-то не смешно!

Идет Степан, потупясь.
Нелегкий, братцы, путь!..
Боясь задеть Наташу,
Идет поодаль чуть...

А мог ты сделать проще:
Взять под руку ее,

Признаться откровенно,
Что счастье в ней твое.

Оно не за горами,
А рядышком с тобой —
В цветистом легком платье,
В косынке голубой.

Твое оно — от длинной
Каштановой косы
До белых босоножек,
Промокших от росы.

Не потому ль Наташа
Травинку все грызет,
Что хочет скрыть волненье
И ждет чего-то, ждет?..

Еще одно мгновенье —
Все выскажет Степан.
Невольно шаг замедлил...
Эх, пан или пропад!

Но память в это время,
Как будто невзначай,
Услужливо шепнула:
«А как же Николай?»

Поморщась от досады,
Он глухо произнес:
— Ну, счастья вам желаю!..
Вон... кличет паровоз. —

Рывком пожал ей локоть
И грузно зашагал
Туда, где свет вечерний
Над полем догорал.

Решись он оглянуться
Хотя б на краткий миг, —
Увидел бы: Наташа
Едва сдержала крик.

Стояла на дороге,
Ладонь подняв ко лбу...
Казалось, провожала
Любовь свою, судьбу...

И долго так стояла,
Вся в розовых лучах.
Подбитой птицей билась
Косынка на плечах...

Вот он свернул направо,
Как в воду, канул в рожь...
Иди домой, Наташа,
Чего еще ты ждешь?..

Тихонько повернулась,
Пошла. Быстрай, быстрай...
И вот уж побежала,
Да так, что пыль — за ней.

Мешают босоножки —
Долой! И босиком,
Пригнувшись, без оглядки —
К поселку прямиком.

В какой-то двор метнулась
На фары «Москвича»
И двери распахнула,
Взволнованно крича:

— Скорее, дядя Ваня!
Машину мне... Скорей...

— Наташа, что случилось? —

Шахтер-хозяин к ней.

— Уедет!..

— Кто уедет? —

Шахтеру не вдомек.

Но снял с гвоздя фуражку

И тут же — за порог...

* * *

А Николай тем часом

Подушку мял, курил.

За выпад свой ревнивый

В душе себя корил.

К стихам прилип! Растила!..

Степана проглядел!

Ведь даже рас прощаться,

Как надо, не сумел!

И с девушкой, и с другом

Порвал, выходит, нить...

Сходить к Наташе нужно —

Проверить, уяснить!

...Бродил он по поселку,

Покинутый поэт.

Был в клубе, на квартире —

Нигде Наташи нет.

На окнах плавнели

Закатные лучи...

Куда она дезалась?

Хоть в каждый дом стучи...

Бродил, и незаметно

К оконице пришел.

Где буйная крапива

Скрывала частокол.

Нежданно в ту крапиву

Попал он, сторонясь, —

Стремительная, с ревом,

Машина пронеслась.

Ожоги потирая,

Дивился Николай:

Какой дурак сорвался?

Хлебнул, так не гоняй...

Глядел он на дорогу,

Ругая лихачей.

А там лишь пыль клубилась

И таял сюи лучей...

О ГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Советская улица	
✓ «Где ты, радость детская»	5
Ильич	8
Слово о коммунисте	9
Советская весна	11
Говорит Москва	12
Сверстникам	14
Песня героя	16
Наша Вера	17
У партизанской могилы	19
Письмо на границу	21
На улице Героя	23
В родных местах	26
Рассказ хлебороба	28
На побывке	30
Посланник мира	33
✓ На лесосеке	34
Сельский художник	36
Перед экзаменами	37
✓ Русский поклон	38
Мать	40
✓ Пути дороги	44

Яблоня	47
Земляки	49
На родной земле	52
Зарево	55
Весна	58
<u>Баянист</u>	57
После митинга	59
Дума солдата	60
Машинист	62

	Раздумья
✓ «До жилья осталось недалеко»	67
Всесильна жизнь	69
Новогоднее	72
В метель	73
«Легко на воле дышится»	74
Троika	76
«Как быстро мчатся дни за днями»	77
«Есть стихи, как перезвоны»	79
«Веселой песней юность отзучала»	81
✓ «Наступает зеленое лето»	82
«Далеко ты, милая, далеко»	84
«Долго ль будем мы порозыть томиться»	85
«Давно, юнцом еще зеленым»	86
«Хорошей, славной называю»	87
«Как сказать об этом покороче»	88
«Первый снег кружится хороводом»	89
«Опять в саду цветет сирень»	90
«Нехорошая нынче весна»	91
Наступление весны	92
«На окнах отблески, как змейки»	94
✓ <u>Незнакомка</u>	95
«Незаметно дни идут за днями»	97
«Если чувства, как спички, растрячены»	98
«Хоршо, наверно, быть поэтом»	99

Даль заречная	
«Нестареющая вечная красота земли родной»	105
«Прозрачные сумерки летние»	107
«Сколько раз березка возле прясла»	109
«Поцелуй, шепот у калитки»	110
Начало зимы	111
«В серебристом чистом инее»	112
В дороге	113
Бабье лето	115
Вечерний дождь	116
Ржаное поле	117
✓ <u>Тополь под окном</u>	119
В феврале	120
«Пропахший травами и хвоей»	121
Солнце встало	123
✓ <u>На закате</u>	124
«С утра вчера тепло и ясно было»	125
<u>Детство</u>	126
Июль	128
Перепелка	129
После рыбалки	130
В полдень	131
Ива	132
«Новый день! Он будет долг»	134
На литературные темы	
«Читатель! Друг мой неизвестный»	139
«Обидно мне»	140
Встреча	141
«Всю ночь сижу»	144
«Ты ищешь слово»	145
Века живет стихотворенье	146
«Глухая полночь, в доме тиши»	148
«Что-то нехотя и вяло»	149
Читатель — другу поэту	150
Мои друзья	153
Читая «Судьбу человека» М. Шолохова	155
Писатель-боевец	156
Наш Пушкин	158
Сергей Есенин	160
Девичья лирическая	161
Во хмелью	164
Сухарь	166
«Творцы картин, симфоний, книг ли»	168
«Написать стишок не трудно»	170
Поэмы	
Братья	175
Фекла Ниловна	212
У нас в поселке	223

Михаил Александрович Небогатов
МОИМ ЗЕМЛЯКАМ

Стихи и поэмы

Редактор К. Шилова
Художник И. Бондарик
Техн. редактор А. Павлов
Корректор П. Алексеева

Сдано в набор 19/II-1958 г. Подп. к печ. 22/III-1958 г.
Формат бумаги 70×92¹/₃₂. Печ. л. 8,77. Уч. изд. л. 6,34.
ОП00219. Тираж 3.000. Заказ № 1298. Цена 4 р. 20 к.
Кемеровское книжное издательство, г. Кемерово,
Белякова, 23.

Типография «Кузбасс» г. Кемерово.